

Жорж Сименон

Мегрэ и одинокий человек

<http://book.zehinli.info>

Глава 1

Было всего девять часов утра, а уже стояла жара. Мегрэ, сняв пиджак, лениво разбирал почту, время от времени бросая взгляд в окно на совершенно не шевелившуюся листву деревьев на набережной Орфевр, на ровную и гладкую, словно шелк, Сену.

Шел август. Люка, Лапуэнт и добрая половина инспекторов были в отпуске. Жанвье и Торранс уже отгуляли в июле, а Мегрэ собирался провести сентябрь в своем напоминающем жилище священника доме в Мён-сюр-Луар.

Почти целую неделю ежедневно под вечер раздражалась короткая, но сильная гроза, и проливной дождь заставлял пешеходов бежать, прижимаясь к стенам домов.

Жара спадала, и к ночи воздух свежел.

Париж опустел. Даже уличные шумы стали какими-то другими, непривычными, появились моменты полной тишины.

Чаще всего на улицах попадались туристические автобусы всех цветов и всех стран, которые непременно останавливались в одних и тех же местах и выплевывали своих пассажиров: Нотр-Дам, Лувр, площади Согласия и Звезды, церковь Сакре-Кёр и, разумеется, Эйфелева башня.

На улицах услышанная вдруг французская речь вызывала удивление.

Директор уголовной полиции тоже находился в отпуске, так что начальники отделов были избавлены от неприятной обязанности являться к нему на ежедневный доклад. Почта была немногочисленной, а самыми распространенными преступлениями - кражи с прилавков.

Из оцепенения комиссара вырвал телефонный звонок. Он снял трубку.

- Комиссар I округа просит поговорить с вами лично... Соединить?..

- Да, соедините.

Мегрэ хорошо знал этого офицера - несколько манерного, всегда одетого с иголочки, очень хорошо воспитанного; до поступления на службу в полицию тот несколько лет работал адвокатом.

- Алло!.. Аскан?..

- Не помешал?

- Времени у меня полно...

- Я вам звоню, поскольку подумал, что свалившееся на меня дело может заинтересовать вас лично...

- О чем идет речь?

- Убийство... Но не обычное убийство... Объяснять слишком долго... Вы когда освободитесь?

- Прямо сейчас.

- Прошу прощения, что назначаю встречу в моем кабинете, но это случилось в глухом тупике на краю Центрального рынка.

Шел 1965 год, и парижский Центральный рынок еще не перевели в Ренжис.

- Я буду в комиссариате через несколько минут.

Мегрэ позволил себе поворчать, как человек, которого отрывают от важных дел, но в действительности радовался возможности вырваться из рутины последних дней. Он прошел в кабинет инспекторов. В обычной ситуации он взял бы с собой Жанвье, но сейчас надо было, чтобы на набережной Орфевр остался человек, пользующийся его полным доверием и способный на инициативу.

- Пойдемте со мной, Торранс... Возьмите во дворе машину...

Комиссариат I округа находился неподалеку, на улице Прувер. Мегрэ сразу прошел в кабинет комиссара Аскана.

- Вы увидите одно из самых ошеломляющих зрелищ, какие мне когда-либо доводилось видеть. Не хочу вам ничего говорить заранее. Так, Торранс, машину лучше оставить здесь... Это в двух шагах...

Они обошли рынок, вонь которого, особенно в такую жару, была очень сильной, но работа здесь не замирала, несмотря на период отпусков. Они шли маленькими узкими улочками, где стояли магазинчики и в большей или меньшей степени подозрительные дома с мебелишками. По улицам слонялись несколько клошаров, а одна совершенно пьяная нищенка держалась за стену, чтобы не упасть.

- Сюда...

Они пришли на улицу Гранд-Трюандри, и Аскан углубился в переулок, до того узкий, что по нему не мог бы проехать грузовик.

- Тупик Вьо-Фур, - объявил он.

Тупик насчитывал с десяток старых домов, а в середине зияла брешь от уже снесенного здания. Остальные тоже были приговорены к сносу, и жильцов из них уже выселили.

Стены некоторых были подперты сваями, чтобы не рухнули преждевременно.

Дом, перед которым остановился комиссар, был без стекол, да и рамы из окон уже растащили. Входную дверь заменяли доски, и Аскан отодвинул две из них, которые не были прибиты. За ними оказался широкий коридор.

- Осторожней на лестнице! Некоторых ступенек нет, а те, что остались, ненадежны...

Здесь царил запах пыли и гнили, к которому примешивались "ароматы" рынка.

Они поднялись на третий этаж. Возле облупившейся стены сидел мальчик лет двенадцати, который, увидев троих вошедших мужчин, разом вскочил, и глаза у него заблестели.

- Вы ведь комиссар Мегрэ, правда?

- Да.

- Если б мне кто-нибудь сказал, что однажды я увижу вас живьем... Я клеиваю в тетрадку все ваши фотографии, что публикуют в газетах...

- Это малыш Николе... - объяснил Аскан. - Тебя ведь Жаном зовут, верно?

- Да, месье.

- Его отец - мясник с улицы Сен-Дени. Единственный в квартале, кто не закрылся на август... Рассказывай, Жан...

- Все было так, как я вам уже говорил... Большинство моих приятелей уехали на море. В одиночку не поиграешь, вот я и брожу... Ищу места, которые не знаю, хоть я и родился в этом квартале. Сегодня утром я заметил этот дом. Подвигал доски, закрывающие вход, и обнаружил, что они не прибиты... Я вошел... Крикнул: "Есть тут кто?.." Мне ответило только эхо. Я ничего не искал. Шел вперед, просто чтобы посмотреть.

Толкнул эту разбитую дверь, вон ту, справа, и увидел человека... Я бегом вниз и помчался в комиссариат, даже задохнулся... Мне придется еще раз входить в комнату?

- Не думаю, чтобы это было необходимо...

- Мне остаться здесь?

- Да...

Мегрэ открыл дверь, не годившуюся даже на то, чтобы топить ею печку, настолько она сгнила, и остановился на пороге, поняв, почему комиссар хотел сделать ему сюрприз.

Комната была довольно просторной, стекла в двух окнах заменял картон и плотная бумага. Пол неровный, с многосантиметровыми щелями между досками паркета, заваленный невероятным количеством всевозможных предметов, по большей части не представляющих никакой практической ценности.

Но в первую очередь взгляд привлекал лежащий на покрытой старым матрасом металлической кровати человек, который, без сомнения, был мертв. Грудь его покрывала запекшаяся кровь, но лицо осталось спокойным.

Одежда клошара, что была на мертвом, резко контрастировала с его лицом и руками. Он был довольно старым, длинные, серебристые от седины волосы имели какой-то голубоватый отблеск. У него были седые, слегка подкрученные кверху усы и борода а-ля Ришелье, тоже седая. Если не считать этого, он был свежевыбрит, и Мегрэ испытал новое удивление, обнаружив тщательный маникюр на руках мертвеца.

- Прямо старый актер, играющий роль клошара, - пробормотал он. - При нем нашли какие-нибудь бумаги?

- Никаких. Ни удостоверения личности, ни старых писем. Мои инспекторы, работающие в квартале, заходили взглянуть на него. Ни один его не узнал. Только один вроде бы припомнил, что видел его копающимся в мусорных баках...

Мертвый был очень высок и крепко сложен. Брюки были ему коротки, на левом колене зияла дыра, а старый пиджак, рванье в буквальном смысле слова, валялся на полу в пыли.

- Медэксперт приезжал?

- Пока нет. Жду с минуты на минуты... Я хотел, чтобы вы посмотрели на это, пока никто ни к чему не притрагивался...

- Торранс, идите в ближайшее бистро и вызывайте бригаду криминалистов. Пусть приезжают как можно скорее... И попросите их известить прокуратуру...

Лицо лежащего на ржавой кровати мужчины продолжало зачаровывать его. Усы и борода тщательно подстрижены, такое ощущение, что не позднее чем вчера.

Что же касается рук, таких ухоженных, с маникюром на ногтях, то трудно было представить такие руки у человека, копающегося в мусорных баках.

А ведь этот человек явно занимался данным делом, причем долго. Вся комната была завалена самыми невероятными предметами. Почти все были поломаны.

Старая кофейная мельница, тазики с отколотой эмалью, мятые или дырявые ведра, керосиновая лампа без фитиля и керосина, непарная обувь.

- Надо будет составить полный список всего этого...

У стены была раковина, и Мегрэ безуспешно покрутил кран. Как он и полагал, воду уже отключили. Электричество и газ тоже, как всегда поступают в предназначенных на снос домах.

Как долго этот человек жил здесь? Одно ясно - достаточно долго, чтобы собрать это старье. Ни соседей, ни консьержку не расспросить по причине отсутствия таковых. Комиссар округа вышел на лестничную площадку и обратился к малышу Николье:

- Хочешь помочь? Тогда спускайся на улицу и, когда через несколько минут приедут господа из полиции, проводи их сюда...

- Да, месье...

- Не забудь их предупредить, что на лестнице не хватает ступенек.

Мегрэ ходил туда-сюда по комнате, дотрагиваясь до некоторых предметов, и таким образом обнаружил кусок свечи и коробку спичек. Свеча была прилеплена к щербатой чашке.

Впервые за все время работы в полиции комиссар видел подобное зрелище, и одно удивление сменялось другим.

- Как его убили?

- Несколько пуль в грудь и живот.

- Крупный калибр?

- Средний... Похоже, тридцать второй...

- В карманах пиджака ничего?

Он представлял себе, с каким отвращением комиссар, такой элегантный, такой изысканный, обыскивал грязные лохмотья.

Пуговица, обрывки веревки, кусок черствого хлеба...

- Денег нет?

- Две двадцатипятисантиметровые монеты...

- А в брюках?

- Грязная тряпка, которая, должно быть, служила ему носовым платком, и окурки в коробочке для пастилок от кашля.

- Бумажника нет?

- Нет...

Даже у клошаров с набережных, ночующих под мостами, есть в кармане бумаги, хотя бы удостоверение личности.

Вернувшийся Торранс был ошеломлен не меньше Мегрэ.

- Они сейчас приедут...

И действительно, Мере и его люди из отдела экспертизы поднялись по лестнице следом за малышом Николье. Они с изумлением смотрели по сторонам.

- Убийство?

- Да... Самоубийство исключается, поскольку оружия в комнате нет.

- С чего начнем?

- С отпечатков пальцев, их надо немедленно отправить на идентификацию.

- Жаль пачкать такие ухоженные руки...

Тем не менее отпечатки с убитого сняли.

- Фотографировать?

- Само собой...

- Слушайте, а этот малый - красивый мужик и небось крепким был...

Послышались осторожные шаги заместителя прокурора, следователя Кассюра и секретаря. Все трое ошеломленно разглядывали представшее перед их взглядами зрелище.

- Когда его убили? - спросил прокурорский работник.

- Скоро узнаем, потому что доктор Лагодинек уже приехал.

Доктор был молод и полон энтузиазма. Он пожал руку Мегрэ, поздоровался с остальными и подошел к колченогой кровати - еще одной развалюхе, притащенной убитым с улицы или какого-нибудь пустыря.

Они с тревогой посматривали на пол, потому что сейчас, когда в комнате набралось несколько человек, доски так прогибались, что становилось страшно: не провалятся ли они.

- Мы рискуем слететь на этаж ниже... - заметил молодой врач.

Он дождался, пока труп сфотографируют, чтобы начать свой осмотр. Обнажил грудь, и показались входные пулевые отверстия.

- Три огнестрельных, дистанция - минимум метр.

Убийца тщательно целился, жертва, возможно, спала.

Иначе пули не легли бы так кучно.

- Смерть наступила мгновенно?

- Да - был задет левый желудочек...

- Как вы думаете, ранения сквозные?

- Отвечу, когда переверну его...

Ему помог один из двух фотографов. Насквозь тело странного клошара прошла лишь одна пуля, очевидно застрявшая затем в матрасе.

- В комнате есть вода?

- Нет, отключена.

- Интересно знать, где это он так тщательно мылся, - тело-то чистое...

- Вы можете установить приблизительное время смерти?

- Между девятнадцатью и двадцатью тремя... Очевидно, после вскрытия я смогу сказать точнее... Личность установили?

- Пока нет... Дадим фотографию в газеты... Кстати, когда мы получим первые снимки?

- Через час. Устроит?

Фотограф ушел, а эксперты принялись искать отпечатки пальцев на всех предметах.

- Полагаю, мы вам больше не нужны? - прошептал заместитель прокурора.

- И я тоже? - добавил следователь Кассюр.

Мегрэ с рассеянным видом медленно курил трубку.

Ему понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что обращаются к нему.

- Нет. Я буду держать вас в курсе... - И обратился к судмедэксперту:

- Как думаете, он был пьян?

- Меня бы это сильно удивило. Точно узнаем по содержимому желудка. На первый взгляд не похоже, чтобы этот человек пил...

- Непьющий клошар, - пробормотал комиссар из I округа. - Это редкость...

- А если он не клошар? - спросил Торранс.

Мегрэ молчал. Казалось, его взгляд фотографирует малейшие предметы, мельчайшие детали комнаты. Не прошло и четверти часа, эксперты еще продолжали работать, когда в тупике

остановился фургончик из Института судебной экспертизы, и юный Николе спустился показать дорогу двум мужчинам с носилками.

- Да, можете увозить...

Убитого вновь перевернули на спину, и Мегрэ увидел его лицо благородного отца и аккуратно подстриженную бородку.

- Тяжелый мужик, - вздохнул один из перевозчиков.

Им было трудно спускаться с такой ношей из-за того, что на лестнице не доставало ступенек.

Мегрэ подозвал мальчика.

- Скажи мне, парень, в квартале есть школа парикмахеров?

- Да, месье Мегрэ. На улице Сен-Дени, через три дома от нашей мясной лавки...

Больше десяти лет назад Мегрэ вызвали в одну из таких школ, где он разыскивал убийцу. Очевидно, в Париже существовали и другие, более дорогие, но в районе рынка не следовало ожидать найти школу первого порядка.

По всей видимости, та, что находилась на улице Сен-Дени, как и прочие, приглашала клошаров и нищих для тренировки неопытных учеников. Учились в ней мужчины и женщины, в том числе будущие маникюрши.

Но прежде чем отправиться туда, Мегрэ нужны были фотографии. В данный момент он мог только ждать результата дактилоскопической экспертизы.

Он оставил Мерса и двух его людей продолжать работу в комнате, сам спустился вместе с Торрансом и комиссаром из округа. Им было очень приятно вдыхать даже не слишком свежий воздух тупика.

- Как вы думаете, за что его убили?

- Не имею ни малейшего понятия.

Двор под аркой был завален старыми ящиками и какими-то обломками. Тем не менее Мегрэ нашел там ответ на вопрос врача. Возле стены стоял насос, а на земле - ведро в довольно сносном состоянии. Комиссар испытал насос. Несколько раз он качнул вхолостую, но потом потекла вода.

Не сюда ли неизвестный ходил умываться? Мегрэ представил его себе голым по пояс, умывающимся из ведра.

Он простился с комиссаром Асканом и направился к улице Гранд-Трюандри, затем к рынку. Жара все усиливалась, и комиссар, воспользовавшись тем, что ему надо было позвонить, зашел в бистро, показавшееся ему достаточно приличным, чтобы заказать стакан пива. Торранс сделал то же самое.

- Соедините с отделом экспертизы.

Затем он попросил позвать к телефону инспектора Лебеля, занимавшегося отпечатками пальцев убитого.

- Алло... Лебель?... Вы успели заскочить в Картотеку?

- Только что оттуда... Отпечатков, идентичных "пальчикам" неизвестного, не обнаружено...

Еще одна аномалия. Большинство клошаров имеют или имели в прошлом нелады с правосудием.

- Спасибо... Вы не знаете, снимки готовы?

- Будут через десять минут... Десять минут, Местраль?

- Скажем - четверть часа...

До уголовной полиции было недалеко, и двоим мужчинам понадобилось всего несколько минут, чтобы дойти до набережной Орфевр. Мегрэ пошел к экспертам, где ему пришлось подождать, пока фотографии высохнут. Торранса он оставил в кабинете инспекторов.

Он взял по три экземпляра каждого снимка, вернулся в помещения уголовной полиции и поручил инспектору Лурти отнести фотографии в газеты, в первую очередь те, что выходят после обеда.

- Пошли, Торранс. До обеда остался час, будем отрабатывать сектор.

Мегрэ передал Торрансу комплект фотографий.

- Покажите их лавочникам и владельцам небольших баров вокруг рынка. Встретимся у машины...

Сам он направился к улице Сен-Дени. Узкая, она осталась шумной, несмотря на отпускной период, поскольку населявшие его бедняки были не из тех, кого часто встречаешь на пляжах.

Комиссар смотрел на номера домов. Под тем, что был ему нужен, стояла лавочка, торгующая семенами. Слева от витрины был проход во двор. На полпути начиналась лестница и висели две эмалевые таблички, прикрепленные к стене, некогда покрашенной в зеленое, но с тех пор приобретшей какой-то неопределенный цвет.

"ЖОЗЕФ.

Школа парикмахерского искусства и маникюра"

И стрелка, указывающая на лестницу, а рядом слово:

"Полуэтаж".

Другая табличка, точно под этой, гласила:

"ВДОВА КОРДЬЕ.

Искусственные цветы"

И здесь стрелка указывала на лестницу, но ее сопровождали слова: "Третий этаж".

Мегрэ вытер пот, поднялся на полуэтаж, открыл дверь и попал в довольно просторную комнату, недостаточно освещенную светом, идущим из двух полуокон.

Тусклый свет лился из двух матовых ламп, свисающих с потолка.

Кресла стояли в два ряда, очевидно отдельно для мужчин и для женщин. Молодые парни и девушки работали под руководством более старших мужчин, а маленький худой человечек с покрашенными в густой черный цвет усами наблюдал за процессом в целом.

- Полагаю, вы здесь хозяин?

- Да, я месье Жозеф.

Ему могло быть как шестьдесят, так и семьдесят пять. Мегрэ машинально посмотрел на мужчин и женщин, сидящих в креслах, очевидно купленных на каких-нибудь распродажах. Можно было посчитать, что находишься в приюте Армии спасения или под парижскими мостами, поскольку именно на клошарах обоего пола тренировались юноши и девушки, работая гребнями, ножницами и бритвами. Это производило довольно сильное впечатление, особенно при плохом освещении. Из-за жары оба окна были открыты, и с улицы доносились шумы, что делало атмосферу школы еще более нереальной.

Прежде чем месье Жозеф начал терять терпение, Мегрэ вынул из кармана фотографии и протянул их маленькому человечку.

- И что мне с этим делать?

- Посмотреть на них... Потом сказать мне, узнаете ли вы изображенного на них человека...

- А что он натворил? Вы из полиции, верно?

Он явно насторожился.

- Комиссар Мегрэ, уголовная полиция.

- Вы его разыскиваете?

- Нет. Мы его, к сожалению, нашли. Он получил три пули в грудь.

- Где это произошло?

- У него дома... Если так можно выразиться... Вы знаете, где он жил?

- Нет...

- Он обосновался в предназначенном на снос доме...

Мальчишка, бродивший по дому, нашел его и сообщил в комиссариат... Вы его узнаете?

- Да... Здесь его звали Аристократ...

- Он часто приходил?

- По-разному... Порой его не видели целый месяц, потом являлся по два-три раза в неделю...

- Вы знаете его фамилию?

- Нет.

- Имя?

- Тоже.

- Он был не очень разговорчив?

- Вообще ничего не говорил... Садился в первое попавшееся кресло-, прикрывал глаза и позволял делать с собой все, что угодно... Это я попросил его отпустить усы и бородку... Сейчас это входит в моду, и молодые парикмахеры должны научиться их стричь, что гораздо труднее, чем может показаться...

- Как давно это было?

- Месяца три-четыре назад.

- До того он ходил без бороды?

- Да... У него были шикарные волосы, с которыми можно делать все, что захочешь...

- И долго он к вам ходил?

- Года три или четыре...

- У вас здесь только клошары...

- Почти без исключения... Они знают, что в обед или вечером каждый получит пятифранковую монету.

- И он тоже?

- Разумеется.

- Он был знаком с некоторыми вашими завсегдатаями?

- Я ни разу не видел, чтобы он заговаривал с кем бы то ни было из них, а когда обращались к нему, делал вид, что не слышит.

Было около полудня. Ножницы защелкали быстрее.

Через несколько минут перемена, как в обычной школе.

- Вы живете в этом квартале?

- Я вместе с женой живу на втором этаже этого дома, как раз над этой комнатой...

- Вам доводилось встречать его на улицах квартала?

- Не припомню... Во всяком случае, если бы это случилось, меня бы не удивило... Простите, но занятия заканчиваются...

Он нажал на кнопку электрического звонка и сел за своего рода прилавок, к которому тотчас выстроилась очередь.

Мегрэ медленно спустился по лестнице. Проработав столько лет в уголовной полиции, в том числе в патрульной службе и в отделе по охране вокзалов, он считал, что знает всю парижскую фауну. Но он не припоминал, чтобы встречал такого человека, как тот, кого называли Аристократ.

Он медленно направился к машине, стоявшей на углу улицы Рамбюто. Торранс подошел к ней почти одновременно с ним, стирая со лба пот.

- Нашел что-нибудь?

- Сначала булочную на улице Синь, где он покупал хлеб...

- Он ходил туда каждый день?

- Почти. Чаще всего ближе к полудню...

- Хозяйка о нем ничего больше не знает?

- Ничего. Он едва раскрывал рот, чтобы сказать, что ему нужно.

- Ничего другого он не покупал?

- Там - нет. На улице Кокийер он покупал вареную колбасу или сервелат... Там, на углу улицы, стоит продавец жареной картошки, который также продает, особенно по ночам, и горячие сосиски... Случалось, около трех часов ночи он покупал порцию жареной картошки и сосиску...

Я показал фотографии в двух-трех бистро. Периодически он заходил туда, всегда выпить чашечку кофе. Ни вина, ни водки он не пил...

Портрет становился все более странным: Аристократ, если называть его тем прозвищем, что употребил месье Жозеф, похоже, не имел никаких контактов с другими людьми. Похоже, по ночам он работал на рынке, когда его нанимали разгрузить машину с овощами или фруктами.

- Надо позвонить в Институт судебной экспертизы... - напомнил себе комиссар.

Это позволяло ему выпить второй за утро стаканчик пива.

- Доктора Лагодинека, пожалуйста...

- Подождите, я его позову... А, вот как раз и он...

- Алло... Лагодинек?... Это Мегрэ... Полагаю, вы еще не приступали к вскрытию?

- Начну сразу после обеда...

- Вы можете не повредить лицо?... Мне понадобятся другие фотографии...

- Легко... Когда вы пришлете фотографа?

- Завтра утром, вместе с парикмахером...

- А тот что будет делать?

- Сбреет ему усы и бородку...

Торранс высадил Мегрэ на бульваре Ришар-Ленуар перед его домом.

- После обеда продолжать? - спросил он.

- Да...

- В том же квартале?

- Можешь охватить и набережные. Возможно, он там когда-то ночевал...

Мадам Мегрэ сразу поняла, что муж озабочен, и сделала вид, что не замечает этого.

- Есть хочешь?

- Не очень.

Но сегодня поговорить хотелось ему.

- Я только что встретил одного из самых удивительных персонажей...

- Преступника?

- Нет. Жертву. Этого человека убили... Он жил в пустом доме, уже много лет назад предназначенном на слом...

Занимал в нем единственную более или менее пригодную для жилья комнату и стаскивал в нее самые разные предметы, найденные в мусорных баках и на пустырях...

- В общем, клошар.

- Если не считать того, что у него вид благородного отца...

Мегрэ рассказал историю о школе парикмахеров и показал жене фотографии.

- Конечно, по снимкам мертвого судить трудно...

- Его должны были знать в его квартале.

- Никому не известна ни его фамилия, ни даже имя.

В школе парикмахеров его называли Аристократ... Фотографии появятся в дневных газетах... Интересно, узнают ли его читатели...

Как и предупреждал, Мегрэ поел без особого аппетита. Он не любил не понимать что бы то ни было. А в сегодняшней утренней находке он не понимал ничего.

В два часа он сидел в своем кабинете и, набив трубку, заканчивал разбирать почту, когда ему принесли газеты. Он взял две, те, что напечатали фотографию на первой странице.

"Знаете ли вы этого человека?" - спрашивала одна.

Другая газета придумала заголовок "Безымянный мертвец".

В коридоре уже ждали журналисты, и Мегрэ принял их. Сказать им было почти нечего, разве что он выясняет личность убитого в тупике Фью-Фур.

- А он не мог покончить с собой?

- Ни в комнате, ни во всем доме не обнаружено никакого оружия.

- Можно туда съездить пофотографировать?

- Тело, как вы понимаете, уже увезли.

- Снять обстановку.

- Если хотите... У двери дежурит полицейский. Скажете, что я разрешил.

- У вас озабоченный вид.

- На сей раз я ничего не прячу в записке. Я вам рассказал все, что знаю. Чем больше разговоров будет об этом деле, тем лучше...

К четырем часам начали поступать первые телефонные звонки. Некоторые исходили от шутников, другие от психов, которые встречаются в любом деле. Одна девушка спросила:

- У него была бородавка на щеке?

- Нет.

- Тогда это не тот, о ком я подумала...

Четверо или пятеро человек пришли в уголовную полицию лично. Мегрэ терпеливо принял их, показал всем различные фотографии.

- Вы его узнаете?

- Есть некоторое сходство с одним из моих дядей, который уже несколько раз уходил из дому... Нет... Это не он... Этот ведь был высокого роста, верно?

- Около метра восьмидесяти.

- А мой дядя очень маленький и щуплый...

Впервые за неделю не разразилась гроза, и воздух был удушливым.

Около пяти вошел Торранс.

- Нашел что-нибудь?

- Почти ничего... Под мостом Мари один старый клошар вроде бы припомнил нашего убитого, но я не знаю, до какой степени ему можно доверять... Похоже, наш неизвестный уже много лет ночевал под мостами.

Он не сходил с другими. Клошары догадывались, что некоторые ночи он проводит на рынке, но это все, что о нем знали.

- Ни фамилии, ни имени, ни клички...

- Кличка - Немой.

- И все?

- Время от времени он покупал свечу.

В шесть часов наконец-то поступили более точные сведения. Позвонил доктор Лагодинек, закончивший вскрытие.

- Полный отчет я пришлю завтра утром, а сейчас в общих чертах расскажу, что узнал. На мой взгляд, мужчина моложе, чем выглядит. Сколько бы вы ему дали, Мегрэ?

- Шестьдесят пять? Семьдесят?..

- Судя по состоянию внутренних органов и кровеносных сосудов, максимум пятьдесят пять.

- Конечно, у него была тяжелая жизнь... Что вы нашли в его желудке?

- Сначала хочу вам сказать, что смерть наступила между двумя ночи и пятью утра, ближе к трем, чем к пяти... Последняя его еда состояла из картофеля фри и сосиски; все наполовину переварено... Должно быть, он ел часа за два до того, как вернулся к себе и лег спать...

- И убийца воспользовался его сном, чтобы...

- Почему? - возразил врач. - Гость мог быть человеком, которому он доверял, и не насторожился...

- Мне трудно представить, чтобы он кому бы то ни было доверял... Он ничем не был болен?

- Ничем... И никаких увечий... Это был здоровый и очень крепкий человек...

- Благодарю вас, доктор. Жду вашего заключения.

Если хотите, завтра утром я кого-нибудь за ним пришлю.

- Только не раньше девяти, пожалуйста.

- Значит, в девять. Договорились.

Больше всего Мегрэ поразил возраст Аристократа.

Казалось, он жил клошаром несколько лет, даже много лет, а клошары обычно бывают старше. По всем набережным Сены, от одного конца города до другого, они все друг друга знают, и появление новенького сразу же вызывает любопытство старожилов.

- Что еще нашли, Торранс?

- Да почти ничего. Не считая старика с моста Мари, остальные его не помнят. А там есть такие, кто бродяжит больше десяти лет... Я зашел в ближайшую к его дому табачную лавку. Иногда он покупал там спички...

- А сигареты?

- Нет. Он предпочитал подбирать на улице окурки.

Зазвонил телефон.

- Алло!.. Месье Мегрэ?..

Голос принадлежал женщине, причем женщине еще молодой.

- Да, это я... С кем имею честь?..

- Мое имя вам не знакомо... Скажите, у человека, чье тело нашли сегодня утром, есть шрам на голове, под волосами?

- Честно сказать, я этого не знаю... Надеюсь, что, если шрам есть, врач укажет этот факт в своем заключении, которое я ожидаю к завтрашнему дню.

- У вас есть предположения, кто это может быть?

- Пока нет.

- Я вам перезвоню завтра днем.

Не добавив больше ни слова, собеседница повесила трубку. Мегрэ подумал, что ему не обязательно ждать завтрашнего дня, чтобы получить ответ на вопрос молодой женщины. Он позвонил в школу парикмахеров и попросил к телефону месье Жозефа.

- Это комиссар Мегрэ. Сегодня утром я забыл вам задать один вопрос. Вы сами стригли Аристократа?

- Да, чтобы показать ученикам...

- Вы не заметили у него под волосами шрамов?

- Заметил, но не решился спросить, как он его получил...

- Большой?

- Сантиметров шесть... Швы не накладывали, так что шрам довольно широкий.

- Шрам заметен?

- Нет, у него были великолепные волосы, я вам это, кажется, уже говорил...

- Благодарю вас...

Итак, несколько минут назад был установлен первый контакт. Где-то в Париже находилась молодая женщина или девушка, знавшая Аристократа, поскольку ей было известно о его шраме. Она намеренно прекратила разговор прежде, чем Мегрэ начал задавать ей вопросы. Перезвонит ли она завтра, как обещала?

Мегрэ не терпелось как можно скорее установить имя неизвестного и узнать, почему он вел такую жизнь.

Разнородные предметы, загромождавшие комнату в тупике Вьо-Фур, наводили на мысли о сумасшедшем или маньяке. Чего ради собирать и хранить вещи, которые никогда не сможешь продать, не сможешь воспользоваться ими сам?

Но Мегрэ не мог назвать этого человека сумасшедшим.

Вновь зазвонил телефон. После публикации фотографий Мегрэ этого ожидал.

- Алло!.. Комиссар Мегрэ?..

- Да... С кем имею честь?..

Как и предыдущая его собеседница, эта, которая, судя по голосу, была намного старше, тоже не назвалась, но, будто случайно, задала тот же самый вопрос:

- У него был шрам на макушке?..

- А вы знаете человека с такой приметой?

Молчание на том конце провода.

- Почему вы не отвечаете?

- Вы мне тоже не ответили.

- На голове убитого действительно был шрам длиной около шести сантиметров.

- Благодарю вас...

Она тут же положила трубку на рычаг, как и первая.

Значит, Аристократа знали уже две женщины, которые не контактировали между собой, иначе было бы достаточно одного звонка. Но как найти этих женщин среди пяти миллионов жителей города? И почему обе так стремились сохранить инкогнито?

Тупиковая ситуация вызвала у Мегрэ раздражение, и здание уголовной полиции он покинул, ворча себе под нос. А ведь он кое-что узнал: его одиночка не всегда был таким одиноким. Его знали две женщины. Две женщины помнили его, но не хотели подвергаться допросам.

Почему?

Стало чуть свежее. Подул легкий бриз, толкая по небу маленькие розовые облачка, похожие на те, что рисуют на театральных декорациях.

Мегрэ позволил себе выпить стаканчик пива. Он обещал доктору Пардону не злоупотреблять спиртным. Но можно ли сказать, что он злоупотребляет, выпив за целый день всего три стакана?

Он старался не думать об Аристократе, однако вновь и вновь спрашивал себя: кто мог обнаружить странное место, где тот нашел себе убежище?

Он раздраженно пожал плечами, понимая, что при каждом расследовании хочет сразу знать всю правду и напрасно сетует на судьбу, считая, что она обходится с ним несправедливо.

Потом, в последующие дни, правда вылезала на свет.

Будет ли так же и в этот раз?

Поднимаясь по лестнице своего дома, он справился с раздражением и даже начал насвистывать.

Глава 2

На следующее утро плохого настроения Мегрэ как не бывало, и он вновь прошел путь от дома до набережной Орфевр пешком. Вдоль почти пустынных улиц медленно ползли уборочные машины, оставляя за собой широкие полосы влажного асфальта, от Сены поднималось жаркое марево.

Комиссар поднимался по лестнице уголовной полиции, когда заметил ожидающего кого-то фотографа, увешанного аппаратами. Он его хорошо знал. Встречал на каждом деле. Фотограф работал на одно агентство печати и часами ждал какого-нибудь преступления. Он был рыжим, выглядел большим мальчишкой и, если его выставляли в одну дверь, тут же влезал в другую, а то и в окно.

Коллеги прозвали его Малыш, на самом деле его звали Марсель Кон.

Он на всякий случай сфотографировал Мегрэ на лестнице. Возможно, этот снимок комиссара стал сотым, сделанным им.

- Вы вызвали свидетелей?

- Нет.

- А в коридоре вас кто-то ждет.

- Для меня это новость.

На скамейке действительно сидел человек. Очень пожилой, но державшийся удивительно прямо. При виде Мегрэ он быстро вскочил:

- Могу я вам сказать несколько слов, господин комиссар?..

- Вы по поводу дела у рынка?

- Да... Убийство в тупике Вьо-Фур...

- Я вас приму через несколько секунд.

Сначала комиссар по старой привычке заглянул в комнату инспекторов. Все они сидели без пиджаков, окно было распахнуто. Торранс читал газету с крупным заголовком:

"КОМИССАР МЕГРЭ ВЫШЕЛ НА СЛЕД".

На самом деле никакого следа у него не было.

- Есть новости, ребята?

- Анонимки, как обычно. Два письма от психов, тоже как обычно...

Из своего кабинета Мегрэ позвонил в парикмахерскую школу.

- Месье Жозеф?.. Я хотел бы попросить вас об одной услуге. Вы могли бы прислать одного из ваших парней в Институт судебной медицины сбрить Аристократу усы и бородку? Само собой, эта работа будет оплачена.

- Лучше я приду сам, дело-то деликатное...

Затем комиссар позвонил в отдел экспертизы, ответил Мере.

- Местраль там?

- Только что пришел.

- Вы можете его послать в Институт судебной медицины? Там он встретится с парикмахером, сбривающим усы и бороду нашему неизвестному. Как только тот закончит, пусть Местраль сделает несколько хороших снимков с разных ракурсов. Это срочно...

Едва он положил трубку на рычаг, как телефон зазвонил.

- Алло!.. Комиссар Мегрэ?

Голос показался ему знакомым.

- Я вам звонила относительно убийства в районе рынка...

Молодой голос. Это не та, что звонила второй.

- Полагаю, вы хотите задать мне тот же самый вопрос?

- Да.

- И не только вы, что интересно.

- А!

- Звонила еще одна женщина и спросила о том же самом...

- И что вы ей ответили?

- Я вам скажу, если вы согласитесь со мной встретиться или назовете свое имя и адрес.

- Мне бы этого не хотелось...

- Как вам угодно...

На этот раз трубку положил Мегрэ, ворча:

- Маленькая стерва!

Итак, Аристократа знали минимум трое: две женщины, звонившие по поводу шрама, и, разумеется, убийца.

Мегрэ открыл дверь. Посетитель, маленький и худощавый, одним рывком встал на ноги и направился к нему.

- Я немного побаивался, что вы меня не примете.

Что-то в его манере ходить, держаться, разговаривать поразило комиссара, но он не знал, что именно.

- Меня зовут Эмиль Югон, живу на улице Лепик, в той же самой квартире, что мои родители занимали, когда я родился...

- Садитесь.

- Мне, представьте себе, уже восемьдесят пять лет...

Казалось, он очень горд, что дожил до столь почтенного возраста и остался таким бодрым.

- Я пришел с Монмартра пешком. Я вообще каждый день хожу пешком минимум два часа...

Мегрэ понял, что задавать ему вопросы бессмысленно.

- В квартале меня называют Полковник. Отметьте, что я никогда не был полковником, дослужился только до капитана... Когда началась война четырнадцатого года, я учился в унтер-офицерском училище... Я прошел Верден и Шмен-де-Дам... Под Верденом меня даже не поцарапало... А вот при Шмен-де-Дам получил осколок снаряда в ногу, так вот - до сих пор хромаю. А во Вторую мировую я был уже старым, меня не призвали...

Чувствовалось, что он очень горд собой, и комиссар вооружился терпением, надеясь, что Полковник не станет рассказывать ему всю свою жизнь в подробностях.

Вместо этого посетитель резко спросил:

- Вы установили его личность?

- Пока нет...

- Если, конечно, я не ошибаюсь, а это меня бы удивило, его зовут Марсель Вивьен...

- Вы лично с ним знакомы?

- Его мастерская находилась во дворе, как раз под моими окнами. Выходя из дому, я всегда с ним здоровался...

- Когда это было?

- Почти сразу после Второй мировой, в сорок пятом...

- Сколько лет ему тогда было?

- Около тридцати пяти... Это был высокий крепкий малый с умным открытым лицом...

- Кем он был по профессии?

- Краснодеревщик... Кроме того, он окончил курсы декораторов... Его специализацией была реставрация старой мебели... Я видел у него восхитительные экземпляры, все в инкрустациях...

- Он жил в одном доме с вами?

- Нет. Там у него была только мастерская. Он приходил по утрам и вечером уходил.

- Он действительно похож на человека с фотографии, которую вы видели в газетах?

- Готов поклясться, что это он, только он не носил ни усов, ни бороды...

- Вы не знаете, он был женат?

- Конечно... Жена одного с ним возраста, иногда она заходила за ним в конце рабочего дня... И дочка лет семи-восьми, часто забегала к нему после школы...

- Когда вы потеряли его из виду?

- В конце сорок пятого или в начале сорок шестого... В одно прекрасное утро он не пришел в свою мастерскую, на следующий день тоже, как и во все последующие. Поначалу я решил, что он заболел. Потом пришла его жена. У нее был ключ. Она вошла в мастерскую и пробыла там довольно долго, как будто проводила инвентаризацию...

- После этого вы ее видели?

- Она по-прежнему живет в том же самом квартале и довольно часто ходит за покупками на улицу Лепик.

Еще несколько лет я встречал на улицах и его дочь. Она выросла; думаю, вышла замуж...

- Что стало с мебелью, находившейся в мастерской?

- За ней приходила хозяйка мебельного магазина.

А мастерскую занял слесарь.

Мегрэ показал старику различные снимки человека, убитого в тупике Вьо-Фур. Полковник все внимательно рассмотрел.

- Мое мнение остается прежним. Я практически уверен, что это он. Я уже давно на пенсии. Летом сажусь на скамейку в сквере или на террасе кафе и смотрю на проходящих мимо людей. Пытаюсь угадать, кто они по профессии, как живут. Это развивает наблюдательность...

- Вы не знаете, этот человек попадал в аварии, с ним происходили несчастные случаи?

- У него не было машины.

- Несчастные случаи бывают разными... Он ни разу не поранил голову?

Полковник хлопнул себя по лбу:

- Ну конечно! Это произошло посреди лета... Было очень жарко, как сейчас... Он работал во дворе, чинил стул, у которого была отломана ножка. Я смотрел на него из окна и видел, как ему на голову упал горшок с геранью. Это мадемуазель Бланш, жиличка с четвертого этажа, столкнула его с подоконника, когда поливала цветы...

Он не захотел идти ни в больницу, ни к врачу... Продезинфицировал рану и сходил в аптеку напротив, чтобы ему сделали перевязку...

- Шрам был заметен?

- У него были очень густые и длинные волосы, которые его скрывали...

- Больше вы ничего не припоминаете? Позже вы никогда не видели этого человека в вашем квартале?

- Никогда.

- Но там по-прежнему жили его жена и дочь? Значит, он уехал без них...

- Получается, что так.

- Вы не знаете, он пил?

- Что вы, нет! Каждое утро, около десяти, он запирал мастерскую и ходил выпить кофе в маленьком бистро по соседству...

- В вашем доме есть еще жильцы, жившие там в сорок пятом?

- Погодите, дайте подумать... Консьержка... Да, все та же... Ее муж, он был ажаном, умер... Она сильно постарела... Мадемуазель Бланш, о которой я вам говорил, живет там же, но она больше не встает с инвалидного кресла и, похоже, выжила из ума. На других этажах...

Семейство Трабюше на четвертом. Он работал в налоговой службе. Сейчас на пенсии. Само собой, все постарели...

- Как вы думаете, они узнают Марселя Вивьена?

- Возможно, но окна Трабюше выходят на улицу.

У них было меньше возможностей, чем у меня, видеть, что происходит во дворе...

- Благодарю вас за приход, месье Югон. Ваши сведения будут нам очень полезны. Я попрошу вас пройти с моим инспектором в небольшой кабинет дальше по коридору и повторить ему все, что вы рассказали мне...

- Меня вызовут в суд как свидетеля?

Он уже заранее был возбужден от радости.

- Не так быстро! Сначала мы должны будем поймать убийцу и твердо установить личность погибшего...

Мегрэ открыл дверь в кабинет инспекторов и из находившихся там выбрал Лурти, который быстрее остальных печатал на машинке.

Он объяснил инспектору, что от него требуется, и Лурти увел Полковника.

Похоже, теперь они ухватились за кончик нити. Мегрэ ожидал фотографии, прежде чем отправляться на улицу Лепик. Он знал, что Местраль работает быстро, и, чтобы как-то скоротать время, стал разбирать почту.

В половине одиннадцатого вошел фотограф с набором снимков в руке.

- Вам не кажется, что так он выглядит моложе?

- Да... Впрочем, он, похоже, был не очень старым...

Медэксперт дает ему максимум пятьдесят пять лет...

Сколько копий вы сделали?

- Здесь по пять в каждой позе, если можно употребить это слово по отношению к мертвецу. Кстати, ваш парикмахер так напугался, что я думал, он хлопнется в обморок...

- Спасибо... Сделайте мне другие снимки, потому что они понадобятся для всех газет...

Мегрэ сунул в карман по две фотографии, еще одну протянул Малышу, самому настырному фотографу Парижа.

- Держите... Часть работы сделали за вас. Вот снимки убитого, когда его побрили. Ваше агентство может их воспроизводить и посылать в любые газеты по своему выбору...

Еще два фото Мегрэ дал Ледюку, одному из самых молодых инспекторов.

- Отнесите это в две вечерние газеты с наибольшим тиражом. Поспешите - вечерний выпуск выходит из типографии в начале второй половины дня. Отдавайте их только главному редактору или редакционному секретарю...

Затем Мегрэ прошел в конец коридора, где Лурти печатал на машинке показания Полковника. Тот разом вскочил на ноги, как уже делал при появлении Мегрэ.

- Сидите, сидите... Я просто хотел показать вам это... - И Мегрэ протянул новые фотографии.

После первого же взгляда на них лицо бывшего офицера просветлело.

- Это он. Теперь я абсолютно уверен. Конечно, он постарел, но это в самом деле Вивьен...

Мегрэ сделал Лурти знак продолжать и вновь направился в кабинет инспекторов.

- Торранс, берите шляпу...

- Далеко идем?

- На Монмартр... Точнее - на улицу Лепик.

Он показал инспектору фотографии.

- Вы приказали его побрить?

- Сегодня утром... Ко мне только что приходил отставной капитан, которому теперь восемьдесят пять лет и который утверждает, что узнал его, хотя не видел больше двадцати лет...

- И кто это?

- Вроде бы краснодеревщик, имевший мастерскую на улице Лепик и исчезнувший в один прекрасный день...

- Двадцать лет назад?

- Да.

- У него была семья?

- Похоже, жена и дочь...

- Они тоже исчезли?

- Нет. Еще несколько лет жили в том же самом квартале...

Они сели в одну из маленьких черных машин уголовной полиции и поехали на улицу Лепик. Тротуары были загромождены тележками торговцев овощами. Дом 65- бис стоял в начале улицы, по левой стороне.

- Постарайся припарковать машину и приходи сюда.

Я, возможно, буду у консьержки.

Та оказалась женщиной молодой и приветливой. Она посмотрела на комиссара через стекло двери, когда он постучал, и открыла.

- Что вы хотите?

- Комиссар Мегрэ, уголовная полиция.

- Вы насчет одного из наших жильцов? - удивилась она.

- Насчет человека, который был вашим жильцом много лет назад.

- Значит, я не ошиблась...

- Что вы хотите сказать?

- Вчера, когда увидела фото в газете, я сразу подумала о месье Вивьене... Даже сказала об этом молочнице, но добавила: "Невозможно, чтобы это был он..."

Такой приличный парень, такой работающий... Никогда не поверю, что он стал клошаром..."

Мегрэ показал ей новые фотографии, и как раз в этот момент в комнату вошел Торранс.

- Один из моих инспекторов... Посмотрите на эти снимки повнимательнее...

- Ой, да не нужно мне на них долго смотреть... Это он... Вчера меня немного сбивали усы и борода... Вы приказали его побрить. - И, глядя на фотографии, она добавила:

- Никак не могу прийти в себя...

- Вы помните, как именно он отсюда съехал? Попрошался?.. Отправил клиентам мебель, которую реставрировал?

- Ничего подобного... Просто однажды не пришел, и никто в квартале его больше не видел...

- В полицию о его исчезновении заявляли?

- Не знаю, сделала ли это его жена... Она редко заходила к нему сюда в течение дня...

Заглядывала иногда, если оказывалась поблизости... А вот дочка - да, чуть ли не каждый день... Прибегала поцеловать его...

Они жили не здесь, а неподалеку, на улице Коленкур.

Номер дома не знаю, но это рядом с красильней...

- Вы потом видели его жену?

- Довольно часто, возле тележек продавцов овощей...

Она продолжает покупать продукты на улице Лепик...

Волосы у нее поседели, и сама она очень исхудала, а тогда была пухленькой...

- Вы с ней не разговаривали?

- Пару-тройку раз она смотрела на меня, но, похоже, не узнала...

- Давно вы видели ее в последний раз?

- Много месяцев назад... Может, с год...

- А девочку? Ей сейчас должно быть лет двадцать восемь...

- Мне говорили, уж не помню кто, что она вышла замуж и у нее дети...

- Она живет на Монмартре?

- Вроде бы. Но где - не знаю.

- Можно мне заглянуть в мастерскую?

- Идите по коридору, и выйдете во двор. Месье Бенуа, слесарь, сейчас работает...

Бенуа оказался очень приветливым мужчиной лет тридцати.

- Чем могу вам помочь?

Мегрэ показал ему удостоверение.

- Полагаю, вы пришли из-за того типа, которого убили тремя выстрелами в грудь?.. Сегодня утром об этом говорили в бистро, где я пропускаю по утрам стаканчик.

- Вы были с ним знакомы?

- Конечно нет. Мне было десять лет, когда он исчез отсюда... Его место занял обойщик, который тут проработал лет пятнадцать. Он был уже немолод и решил закончить свои дни в деревне. Тогда я и снял эту мастерскую.

- Никто никогда не приходил спросить вас о Марселе Вивьене?

- Никто... Но со вчерашнего дня старики на улице только о нем и говорят... Сегодня утром, когда я завтракал в бистро, наслушался... Старики и люди среднего возраста помнят его и не понимают, как он стал клошаром. Кажется, он был красивым мужчиной, высоким и сильным, имел хорошую профессию, очень неплохо зарабатывал. И вдруг внезапно исчез, никому ничего не сказав...

- Даже жене?

- Говорят, будто нет... Не знаю, правда это или как...

Что слышал, то и повторяю... Вроде бы после его исчезновения прошло несколько дней, чуть ли не неделя, прежде чем она пришла сюда узнать, что к чему... Это все, что мне известно, а если вы хотите узнать о нем побольше, вам достаточно зайти в ближайшее бистро...

- Благодарю вас...

Вместе с Торрансом он вернулся на улицу Лепик.

Личность убитого у рынка была практически установлена. Оба вошли в соседний маленький бар и с первого же взгляда поняли, что у старомодной стойки собрались лишь завсегдатаи.

- Что желаете?

- Пива.

- Мне тоже, - сказал Торранс.

Здесь приятно пахло овощами и фруктами, аромат которых доносился с тележек, выстроившихся вдоль тротуара.

Хозяин подал им заказ.

- Вы, часом, не комиссар Мегрэ?

- Он самый.

- Вы небось пришли из-за того малого, чье фото напечатали во вчерашних дневных газетах?..

Теперь все смотрели на них, и вопрос заключался в том, кто из посетителей начнет рассказывать первым.

Первым заговорил могучий мужчина с огромными ручищами, в белом фартуке, заляпанном кровью, - мясник.

- Кто вам сказал, что он не смылся с какой-нибудь молоденькой девицей, а когда она его бросила, у него не хватило мужества вернуться к благоверной? Лет десять назад у меня работал один приказчик. Самый спокойный парень на земле. И вдруг в один прекрасный день исчез, ни слова не говоря. Удрал с восемнадцатилетней девкой.

Ему тогда было сорок пять. Через два года его след обнаружился в Страсбурге, на бирже труда...

Остальные одобрительно кивали. Это было бистро в стиле простонародных кварталов. Большинство присутствующих были ремесленниками, мелкими торговцами, пенсионерами, зашедшими пропустить утром стаканчик.

- Кто-нибудь видел его после исчезновения?

Все стали переглядываться.

Тощий мужичонка в кожаном фартуке выразил общее мнение:

- Он был не такой дурак, чтобы возвращаться в этот квартал.

- Вы знали его жену?

- Нет. Я даже не знаю, где он жил. Встречал его только здесь, когда он заходил выпить кофе... Он был неразговорчив...

- Хотите сказать, что он задавался?

- Не задавался, но поболтать не любил.

Мегрэ пил пиво. Первый стакан за день. Он их считал. Когда в следующий раз увидится с Пардоном, не без гордости назовет цифры. Правда, в плане курения результаты были менее блестящими, он выкуривал за день столько же трубок, сколько и раньше. Нельзя же лишиться его всех радостей жизни под предлогом, что ему скоро пятьдесят пять.

- А я, кажется, раз встретил его на улице Коссонри.

Волосы совершенно седые и одет как нищий. Я еще подумал, что это не может быть он, и пошел дальше... - сказал старичок, пивший аперитив, модный лет сорок назад, который теперь никто уже не заказывал.

- Как давно это было?

- Месяца три назад... Даже больше, потому что весна в этом году запоздала, а было еще холодно.

- Благодарю вас, господа.

- Не за что. К вашим услугам. Надеюсь, вы поймаете ту сволочь, что его продырявила.

Мегрэ и Торранс пошли в направлении улицы Коленкур. Неужели им придется стучать в каждую дверь, опрашивать всех консьержек, чтобы найти жену Вивьена, если, конечно, та все еще жила в этом квартале?

У Мегрэ не хватило на это мужества в такую жару, и он взял курс на комиссариат, расположенный на улице Ламбер.

Когда-то он знал человека, исчезнувшего при таких же обстоятельствах, как краснодеревщик, но трудно было установить, по тем же причинам или нет. Это был процветающий парижский промышленник без видимых проблем. Чуть за пятьдесят, жена, двое детей. Сыну двадцать один год, студент университета. Дочь на три года моложе, о которой никто не говорил ничего плохого.

Однажды утром он в обычное время отправился на свой завод в Леваллуа, сам управляя машиной. И исчез на много лет.

Машину обнаружили неподалеку от улицы Тампль.

Никто не слышал, чтобы у него была любовница. Врач утверждал, что он не болел никакой серьезной болезнью и мог прожить еще долго.

Полиция искала всюду, кроме того места, где тот человек находился. А он решил стать клошаром. Продал одежду старьевщику на улице Блан-Манто и сменил ее на лохмотья. С того же момента он перестал бриться.

Через три года один из поставщиков его предприятия узнал его в Ницце, заросшего бородой и торговавшего газетами на террасах кафе. Поставщик счел необходимым сообщать об этом в полицию и позвонить его жене.

Но когда город прочесали, его не нашли. Мегрэ часто вспоминал этот случай.

- Я бы посоветовал вам, мадам, прекратить поиски.

Теперь у вас есть доказательства, что он жив. Он выбрал ту жизнь, которая ему нравилась...

- Вы хотите сказать, что он намеренно стал клошаром?

Она не поняла. Исчезнувший сохранил удостоверение личности, и родственников известили, когда он умер через пятнадцать лет в еще существовавшем в то время старом квартале Марсея...

- Привет, Дюбуа, - поздоровался Мегрэ с дежурным сержантом, сидевшим за стойкой.

Каким-то чудом или из-за сезона отпусков комиссариат был пуст.

- Патрон только что вышел, но он скоро вернется.

- Я пришел не к нему. Просто хотел попросить вас просмотреть регистрационные книги и сказать мне, живет ли еще в квартале некая мадам Вивьен, мадам Марсель Вивьен...

- Ее последнее местожительство вам известно?

- Улица Коленкур, но номер дома не знаю.

- Сведения свежие?

- Нет. Это ее адрес двадцатилетней давности.

Ажан просмотрел несколько толстых книг в черных переплетах, водя пальцем вдоль некоторых страниц.

Через четверть часа он нашел то, что нужно.

- Ее имя Габриель?

- Совершенно верно.

- Она по-прежнему проживает в доме шестьдесят семь по улице Коленкур...

- Благодарю вас, Дюбуа. Вы избавили меня минимум от часа хождений от двери к двери - улица Коленкур длинная...

Двое мужчин взяли машину, хотя пройти надо было каких-то триста метров. Дом 67 стоял почти рядом с площадью Константен-Пекар.

- Мне с вами?

- Возможно, мне лучше пойти одному. Вдвоем мы рискуем ее напугать.

- Жду вас "У Маньер"...

Знаменитая пивная находилась всего в двух шагах от нужного дома. Мегрэ постучал в дверь консьержки, за которой довольно молодая женщина выкладывала фрукты на поднос.

- Входите...

Он толкнула дверь.

- Чем могу вам помочь?

- Мне нужна информация. Мадам Вивьен все еще живет здесь?

- На пятом.

- В той же квартире, которую занимала вместе с мужем?

- Я тогда еще не работала консьержкой. Я была слишком молода. Кажется, она переехала на другой этаж, в квартиру поменьше: двухкомнатную, с кухней, окна во двор...

- Вы не знаете, она сейчас дома?

- Очень может быть. Она выходит за покупками рано утром. Да и то не каждый день!

В доме был узкий лифт, к которому комиссар направился. Консьержка догнала его и сказала:

- Дверь слева...

- Спасибо.

Мегрэ чувствовал сильное нетерпение. У него было ощущение, что он приближается к цели и через несколько минут все узнает о человеке, убитом в тупике Вьо-фур.

Он нажал на кнопку электрического звонка и услышал за дверью перезвон. Затем дверь открылась, и пожилая женщина с суровым лицом оглядела его, нахмутив брови.

- Мадам Вивьен?

- Что вам от меня нужно? Вы журналист?

- Нет. Комиссар Мегрэ, уголовная полиция. Думаю, вы мне вчера звонили.

Она не ответила ни да ни нет и не пригласила его войти. Так они и смотрели друг на друга - молча и ничего не предпринимая. Первым решение принял комиссар. Он открыл дверь и вошел в прихожую.

- Мне нечего сказать, - произнесла женщина таким тоном, как если бы ее решение было окончательным.

- Я просто попрошу вас ответить на несколько вопросов.

Дверь была открыта и вела в гостиную, выглядевшую скорее как ателье. На маленьком столе стояла швейная машинка, большой стол был завален недошитыми платьями.

- Вы стали портнихой?

- Каждый зарабатывает как может.

Стулья были так же загромождены, как и стол, и Мегрэ остался стоять. Его собеседница тоже не садилась.

Поражала суровость ее лица и напряженность тела.

Чувствовалась, что она много страдала и словно застыла, замкнулась в себе.

Должно быть, она была бы очень симпатичной, если бы оделась поярче, но она не занималась своей внешностью.

- Вчера мне позвонили две женщины и задали один и тот же вопрос. И обе тут же положили трубку, как будто не хотели, чтобы я узнал, кто они. Полагаю, вторая - ваша дочь...

Она не ответила.

- Она замужем? Имеет детей?

- А вам-то что? Оставьте нас в покое! Если это продолжится, скоро набегут журналисты, фотографы...

- Могу обещать, что не дам им вашего адреса.

Она пожала плечами, словно смирившись.

- Вашего мужа узнали несколько человек. Так что сомнений в личности убитого не осталось. Вы знали, что с ним стало?

- Нет.

- Что он вам сказал, когда уходил двадцать лет назад?

- Ничего.

- Вы не заметили ничего необычного в его поведении в последнее время перед его исчезновением?

Комиссару показалось, что она вздрогнула, но он не был уверен.

- Он был обычным, как всегда.

- Вы с ним хорошо ладили?

- Я была его женой.

- Порой мужья и жены постоянно ругаются и портят друг другу жизнь.
- У нас было не так.
- Бывало, что он уходил по вечерам один?
- Нет. Когда он уходил, я выходила вместе с ним.
- Куда, например, вы ходили?
- В кино. Или гуляли по улицам...

- В дни перед исчезновением он не казался вам озабоченным?
- Нет.

Мегрэ подумалось, что она отвечает односложно потому, что лжет.

- У вас были друзья, которые ходили к вам в гости?
- Нет.
- Родственники?
- Ни у него, ни у меня не было родственников в Париже.
- Где вы познакомились?
- В магазине, где я работала.

У нее была бледная матовая кожа человека, живущего в закрытом помещении, а тело казалось деревянным.

- Это все.
- У вас есть его фотография?
- Нет.
- А я вижу, на камине стоит одна.

На ней Марсель Вивьен был молодой, веселый, улыбающийся.

- Она останется здесь.
- Я ее только пересниму и сразу верну вам.
- Я сказала: нет! Не отнимайте последнего, что у меня осталось...

Она шагнула к двери.

- Можно мне узнать адрес вашей дочери?
- А мой вы где нашли?
- В комиссариате полиции.

Она чуть не сказала ему, чтобы адрес ее дочери он нашел тем же способом, потом вторично пожала плечами:

- Ей было всего восемь, когда он ушел...
- Она замужем, не так ли?

На камине стояла фотография двух детей, на вид шести и четырех лет.

- Да, замужем. Теперь ее фамилия Делаво, Одетт Делаво. Живет в доме двенадцать по улице Маркаде. А теперь я хочу, чтобы вы ушли. После обеда ко мне должна прийти на примерку клиентка, а платье еще не сметано...

- Благодарю вас, - произнес Мегрэ не без иронии.
- Не за что.

У него было к ней еще очень много вопросов, но он чувствовал, что задавать их бесполезно. Требовалось больше времени, чтобы приручить ее, если это вообще было возможно.

Он нашел Торранса сидящим на террасе "У Маньер".

- Стаканчик пива? - предложил инспектор.

И Мегрэ поддался искушению. Это был второй стакан за день.

- Какая она?

- Упертая.

Он немного злился на нее за то, что своим молчанием она усложняла ему жизнь, но в глубине души понимал ее.

Потребуется ли она выдать ей тело мужа, чтобы достойно похоронить его? Думала ли она об этом до прихода Мегрэ к ней на улицу Коленкур?

Можно было предположить, что Торранс угадал его мысли, потому что пробурчал:

- Все равно его придется хоронить...

- Да...

- Набегут журналисты, фотографы...

- Отвезите меня на улицу Маркаде, дом двенадцать.

- Это в двух шагах отсюда.

- Знаю. На Монмартре все в двух шагах.

Это тоже был один из тех парижских кварталов, где люди дольше всего жили на одном месте. Бывали и такие, кто практически никогда не выбирался в город.

- Поедем к дочери?

- Да...

Дом напоминал тот, что стоял на улице Коленкур, только был новее, а лифт - шире.

- Пойдете один?

- Да... Не думаю, что задержусь у нее надолго. Судя по приему, оказанному мне ее матерью...

Он спросил у пожилой консьержки, где живет мадам Делава.

- Третий, квартира справа... Она вернулась с детьми всего с четверть часа назад...

- Ее муж приходит домой обедать?

- Нет. У него на это нет времени. Он занимает высокий пост - заведующий отделом в универмаге "Бон-Марше"...

Мегрэ поднялся на третий этаж и позвонил в дверь справа, из-за которой доносились детские голоса. Квартира была светлой и в этот час буквально залита солнцем.

Молодая женщина, открывшая дверь, настороженно посмотрела на него.

- Вы, случайно, не комиссар Мегрэ?

- Да.

- Кто вам дал мой адрес?

- Ваша мать, у которой я только что побывал.

- И она согласилась впустить вас в дом?

- Да. Она ведь не совершила никакого преступления, верно?

- Конечно не совершила, но она ненавидит разговоры о прошлом.

- И тем не менее держит фотографию вашего отца на камине.

На полу двое детей занимались с игрушечной железной дорогой.

- Не понимаю, почему вы повесили трубку, хотя мне нужно было задать вам много вопросов.

- Не хочу, чтобы в квартале на меня стали показывать пальцем.

- А что люди думают о вашем отце?

- Что он умер двадцать лет назад, а моя мать - вдова.
- Полагаю, она пойдет на опознание тела и попросит обеспечить ему пристойные похороны.
- Я об этом не думала.
- Не хотите же вы обе, чтобы его закопали в общей могиле?
- Повторяю вам: я об этом не думала.
- Вы хорошо помните отца?
- Очень хорошо. Не забывайте, когда он ушел, мне уже исполнилось восемь.
- Что он был за человек?
- Красивый мужчина, очень сильный, почти всегда веселый. Мы часто ходили с ним вдвоем гулять. Он покупал мне мороженое и позволял делать все, что захочется.
- А ваша мать?
- Мама была более строгой. Все время боялась, как бы я не испачкалась...
- Как вы узнали, что ваш отец больше не вернется?
- Получили от него письмо?
- Если он и прислал письмо, мама об этом мне никогда не рассказывала... Но я не думаю, что он ей написал... Мы ничего не знали... Мама все время ждала его и каждый день ходила в мастерскую на улицу Лепик посмотреть, не вернулся ли он...
- В последнее время вы ничего не заметили?
- Нет. А мама вам ничего не сказала?
- Я вытянул из нее только несколько односложных ответов. Как вы думаете, ей есть что сказать?
- Не знаю. Я никогда ее не спрашивала, но мне кажется, что она всегда что-то от меня скрывала.
- Теперь вы уже не маленькая девочка и я могу вас спросить, не слышали ли вы, чтобы у вашего отца была любовница...
- Она покраснела:
- Странно. Я об этом тоже думала... Но, учитывая, какую жизнь он вел, это кажется невероятным. Он никогда не бросил бы нас ради другой женщины или же сделал бы это открыто...
- У него были друзья?
- Я про таких не знаю. К нам в дом никогда никто не ходил. Он был не из тех мужчин, что по вечерам играют в карты в соседнем кафе.
- Ваша мать и отец не ссорились?
- Я никогда не видела, чтобы они ссорились.
- У вас нет никаких соображений насчет причины, по которой он стал клошаром?
- Ни малейшего. И до вчерашнего дня ни за что бы в это не поверила.
- Он был католик?
- Нет. Он не исповедовал вообще никакой религии и меня к ней не приучил. Хотя атеистом он тоже не был.
- Он был равнодушен к этой теме, вот и все.
- Вы тоже?
- Да.
- А ваша мать?

- В юности она была набожна, но к моменту замужества уже нет. Как бы то ни было, они венчались в церкви, очевидно, это была дань традиции...

- Вы часто навещаете мать?

- Нет. Это она приходит ко мне почти каждое воскресенье, чтобы повидать внуков.

- Она приносит им сладости?

- Это не в ее стиле.

- Играет с ними?

- Нет. Напряженно сидит на стуле, потому что никогда не соглашается сесть в кресло, и смотрит, как они играют. Иногда мы с мужем пользуемся этим, чтобы сходить в кино...

- Благодарю вас. Вам больше нечего мне сказать?

- Нет. Я не хотела бы встречаться с журналистами и фотографами...

- Я сделаю все возможное, но, когда ваша мать поедет опознавать тело, трудно будет помешать газетам написать об этом...

- Все-таки постарайтесь, ладно? - И, когда он уже взялся за дверную ручку, добавила:

- Можно его увидеть?

- Да...

- Мне бы этого очень хотелось.

В отличие от матери она не очерствела душой. Очевидно, была из тех дочерей, что обожают своих отцов.

Глава 3

В половине третьего Мегрэ постучал в дверь кабинета следователя. В длинном коридоре на скамейках сидели, ожидая вызова, люди, некоторые между двумя конвоирами, кое-кто в наручниках. Царила монастырская тишина.

- Входите...

Кабинет следователя Кассюра находился в еще не перестроенной части здания, и у каждого, кто входил сюда, создавалось впечатление, что он попал в один из романов Бальзака. Письменный стол, покрашенный, как в старых школах, черным, был обшарпанным, папки с делами лежали стопками даже на полу в углу. Несмотря на то что секретарь не носил нарукавников, он тоже выглядел пришельцем из прошлого века.

- Садитесь, Мегрэ...

Кассюру было не более тридцати, и в прежние времена было бы немыслимо, чтобы он в таком возрасте получил пост в Париже.

Обычно Мегрэ настроженно относился к молодым следователям, напичканным преподанной им в университетах теорией, которую они горели желанием реализовать на практике. Внешне Кассюр был на них похож - высокий, стройный и гибкий, всегда безукоризненно одетый, все еще чем-то напоминавший школьника.

- Полагаю, вы просили меня принять вас потому, что у вас есть новости...

- Да, я хотел ознакомить вас с материалами расследования...

- Обычно полиция оттягивает контакт со мной до последнего момента, если, конечно, им не понадобится ордер на арест... - Он улыбался с какой-то ноткой ностальгии. - У вас, Мегрэ, репутация полицейского, который повсюду ходит сам, выезжает на место происшествия,

расспрашивает консьержек в их комнатках, ремесленников в мастерских, домохозяек на кухнях или в столовых...

- Это верно.

- Нам это непозволительно. Традиция вынуждает нас сидеть в кабинете, если только не требуется выезд оперативно-следственной группы на место происшествия, но тогда мы теряемся среди прочих специалистов, так что это превращается в простую формальность. Из газет я узнал, что фамилия вашего клошара Вивьен и что когда-то он был краснодеревщиком...

- Совершенно верно.

- У вас есть догадки относительно причины, по которой он покинул семью, мастерскую и стал клошаром?

- Я разговаривал с его женой и дочерью. Ни та ни другая не смогли ответить на этот вопрос. Мне известен подобный случай: в Лондоне один известный банкир исчез точно таким же образом.

- И когда он исчез?

- В сорок пятом.

- Любовница, вторая семья?

- До сих пор это выяснить не удалось. Мои люди прочесывают квартал. Поиски осложняет то, что обращаться мы можем только к немолодым людям. Сегодня утром я допросил многих ремесленников, торговцев и мелких рантье из того района. Безрезультатно. Это было в бистро, где Вивьен каждое утро пил кофе. Его помнят, но ничего о нем не знают, поскольку он ни с кем не сближался...

- Странно, что двадцать лет спустя кто-то вдруг решил его убить...

- Потому-то я и копаюсь в его прошлом. Если отбросить версию о маньяке или психопате, решившем застрелить первого попавшегося клошара, но это маловероятно...

- Что собой представляет его жена?

- Неприятная особа. Правда, у нее была тяжелая жизнь. Однажды утром она осталась одна, с восьмилетней дочерью, без средств к существованию. К счастью, она умела шить. Начала обшивать соседок, потом немного расширила клиентуру...

- Она не переехала?

- Нет. Живет в том же самом доме на улице Коленкур, в котором жила с мужем. Только сменила этаж - переехала в квартиру поменьше и подешевле. Женщина без возраста и смысла в жизни. Взгляд уставлен в одну точку, глаза выцветшие, какие бывают у людей, которые много страдали...

- Ей ничего не известно об уходе мужа?

- Я сумел из нее вытянуть всего несколько слов.

Если она что-либо знает, то оставит при себе, ни за что не изменит решение...

- А дочь?

- Ей сейчас двадцать восемь. Замужем за заведующим отделом в "Бон-Марше". Она чуть разговорчивее, чем мать, держится настороженно. У нее двое детей - девочка шести лет и мальчик четырех.

- Отношения с матерью у нее хорошие?

- Более или менее. Они видятся почти каждое воскресенье из-за детей, но, думаю, особо теплых чувств между ними нет. Одетт, это дочь, боготворила отца и до сих пор ревниво сохраняет его культ. Думаю, сегодня днем или завтра утром они пойдут в Институт судебной медицины на опознание тела...

- Вместе?

- Меня бы это удивило. Они пойдут порознь. Я сказал и той и другой, что они могут заняться похоронами.

Обе очень боятся журналистов и фотографов... Если вы со мной согласны, я все устрою так, чтобы не предавать огласке этот аспект дела...

- Разумеется. Я понимаю этих женщин. У вас до сих пор нет никаких соображений насчет того, кто мог совершить это убийство?

- До сих пор не появилось никакого следа. Думаю, что такого одинокого человека мне не доводилось встречать за все время работы в полиции. Он не только жил один в заброшенном доме, где нет воды и электричества, но и неизвестно чем занимался.

- Что говорит медэксперт? Вивьен был здоров?

- Великолепное здоровье. Выглядел он лет на шестьдесят пять, но по документам ему было всего пятьдесят пять, и все его внутренние органы в отличном состоянии...

- Благодарю вас, что держите меня в курсе. Если я правильно понимаю, существует вероятность, что расследование затянется...

- Если не произойдет счастливый случай, не сработает фактор везения... Например, если бы мадам Вивьен нарушила свое молчание, думаю, мы многое бы узнали.

Мегрэ вернулся к себе в кабинет и попросил соединить его с Институтом судебной медицины.

- Алло!.. Не могли бы вы мне сказать, приходила ли некая мадам Вивьен опознать тело своего мужа?

- Она ушла с полчаса назад.

- Нет никаких сомнений, что это он?

- Она его сразу узнала.

- Плакала?

- Нет. Немного постояла неподвижно, глядя на него. Спросила меня, когда сможет заняться организацией похорон, я посоветовал ей обратиться к вам. Доктору Лагодинеку тело больше не нужно. Он вытянул из него все, что мог.

- Благодарю вас. Очевидно, сегодня к вам зайдет также и молодая женщина. Это дочь...

- Я буду в ее распоряжении...

Мегрэ открыл дверь в кабинет инспекторов и окликнул Торранса.

- Ничего нового?

- Как вы и велели, шесть человек обходят район улиц Лепик и Коленкур, опрашивая посетителей баров и кафе, а также простых прохожих пожилого возраста, которые могли знать Вивьена до его исчезновения...

Не было никаких доказательств, что он стал клошаром на следующий же день после ухода из дома и мастерской. Он вполне мог переехать в другой квартал или даже прожить несколько лет в провинции.

Не имея возможности прочесать всю Францию, Мегрэ уцепился за Монмартр, сам толком не зная почему.

Чуть позднее он позвонил мадам Вивьен, чей номер нашел в телефонной книге. Она уже вернулась домой и ответила на звонок как человек, всегда ждущий плохих новостей и постоянно к ним готовый.

- Алло... Кто у аппарата?..

- Мегрэ... Мне стало известно, что вы ходили на опознание тела... Это действительно ваш муж?

Она сухо проронила "да".

- Он сильно изменился за двадцать лет?
- Как и любой другой изменился бы.
- Я только что от следователя. Упомянул о похоронах. Он разрешил выдать вам тело, чтобы всем занимались вы. Также он согласен, чтобы прессу не информировали, насколько это возможно.

- Спасибо.
- Полагаю, вы не хотите привозить тело на улицу Коленкур?
- Разумеется.
- Когда вы собираетесь его хоронить?
- Послезавтра. Я ждала известий от вас, чтобы вызвать агента похоронного бюро.
- У вас есть участок на каком-нибудь парижском кладбище?
- Нет. Мои родители были людьми небогатыми.
- В таком случае погребение, по всей вероятности, пройдет на кладбище Иври.
- Там уже лежит моя мать.
- Вы не связывались с дочерью?
- Пока нет.
- Я попрошу вас сообщить мне точный час похорон...
- Собираетесь прийти?

В этом вопросе не было ни малейшего намека на любезность.

- Не бойтесь. Вы меня не заметите...
- Если только за вами не увяжутся журналисты.
- Я сделаю так, чтобы этого не случилось.
- Я ведь не смогу вам помешать, верно?

Ее голос был горьким. Горьким вот уже двадцать лет.

Или таков ее характер? Была ли она такой в те времена, когда жила с мужем?

Мегрэ задавал себе все возможные и вообразимые вопросы, включая те, что могли бы показаться смехотворно-нелепыми. Он безуспешно пытался реконструировать у себя в голове личность Марселя Вивьена, самого одинокого из одиноких.

Большинство людей, какими бы сильными они ни были, нуждаются в человеческом общении. Он - нет.

Поселился в большом пустом доме, который в любой момент могли снести, и собирал в своей комнате самые бесполезные и самые невероятные предметы.

Другие клошары знали его только в лицо. Некоторые пытались заговорить с ним, но он шел мимо не отвечая.

У месье Жозефа, куда два-три раза в неделю ходил заработать свою пятифранковую монетку, он тоже не разговаривал, просто смотрел в одну точку в зеркало напротив.

- Похороны состоятся послезавтра, - сообщил Мегрэ Торрансу. - Я пообещал сделать все возможное и невозможное, чтобы об этом не писали в прессе.

- Некоторые журналисты звонят по три раза в день.
- Надо им отвечать, что нет ничего нового.
- Что я и делаю, остальные инспектора, когда меня нет в кабинете, тоже. Они недовольны и уверены: от них что-то скрывают...

А вдруг какой-нибудь слишком шустрый репортер раскопает то, что сумел раскопать Мегрэ?

Назавтра оперативники уголовной полиции продолжили показывать фотографии Марселя Вивьена и задавать вопросы, на которые не получали положительных ответов.

Мегрэ позвонил Одетт Делаво. Она также опознала отца.

- Вы знаете, когда состоятся похороны?

- Мать вам разве не сказала?

- Когда я разговаривала с ней в последний раз, она еще не видела агента похоронного бюро.

- Похороны состоятся завтра в девять утра.

- Отпевание будет?

- Нет. Мы не станем отпевать его в церкви. За катафалком пойдут только моя мать, мой муж и я...

Какая жалость, что Мегрэ пришлось пообещать не ставить в известность прессу. Возможно, как это часто случается, убийца пришел бы к Институту судебной медицины или на кладбище?

Был ли он знаком с Вивьеном двадцать лет назад?

Этому нет никаких доказательств. Клошар вполне мог вызвать чью-то ненависть много позже. Может, такого же клошара, решившего, что он прячет сбережения в своей комнате? Вряд ли. Клошары, за редким исключением, не имеют огнестрельного оружия. И уж тем более пистолетов 32-го калибра.

Но сколько всего могло произойти за двадцать лет?

И все же Мегрэ постоянно возвращался мыслями к исчезновению Вивьена, к дню, когда он, как обычно, ушел утром из дому, но так и не вошел в свою мастерскую на улице Лепик.

Не в женщине ли кроется причина? В таком случае почему он ее потом бросил и стал клошаром? Среди писем, пришедших в уголовную полицию после опубликования в газетах фотографий и статей об убийстве, ни в одном не упоминалось о неизвестной женщине в жизни Вивьена.

Сегодня вечером, чтобы не пережевывать без конца одну и ту же проблему, уже начинавшую его раздражать, Мегрэ посмотрел по телевизору вестерн. Помыв посуду, мадам Мегрэ села рядом с ним, деликатно не донимая расспросами.

- Завтра утром разбуди меня на полчаса раньше, чем обычно.

Она не спросила почему. Он сам добавил:

- Иду на похороны.

Она поняла, о чьих похоронах шла речь, и принесла ему первую чашку кофе в семь часов.

Он попросил Торранса заехать за ним в половине восьмого на оперативной машине. Торранс приехал вовремя.

- Полагаю, сначала мы поедем в Институт судебной медицины?

- Да.

Автомобиль-катафалк уже стоял у тротуара, как и еще одна машина, предоставленная похоронным бюро.

В ней сидели две женщины и муж Одетт. Торранс затормозил достаточно далеко, чтобы их не заметили. Ни журналистов, ни фотографов не было. Четверо мужчин вынесли гроб, выглядевший очень тяжелым. Через несколько минут кортеж двинулся к Иври.

Со вчерашнего дня небо затянуло тучами, стало не так жарко. Метеопрогнозы обещали к вечеру дожди на западе страны и в Париже.

Торранс держался на значительном расстоянии от машины, в которой ехали родственники. Мегрэ молча курил трубку, глядя перед собой, и невозможно было угадать, о чем он думает.

Торранс не нарушал его молчания, что было для него, самого разговорчивого инспектора во всей уголовке, совсем непростым делом.

Катафалк проехал примерно половину кладбища и наконец остановился перед свежевырытой могилой на новом участке, где было еще много свободных мест.

Мегрэ и его спутник держались больше чем в сотне метров сзади. Мадам Вивьен, ее дочь и Делава неподвижно стояли на краю могилы, пока в нее опускали гроб. Обе женщины держали в руке по букету цветов.

Вдове протянули лопату, чтобы та бросила на гроб первую горсть земли, но, к удивлению Мегрэ, она покачала головой и лишь бросила в могилу цветы. Одетт поступила так же, и первую горсть земли в конце концов бросил Делава.

Он никогда не знал Марсея Вивьена, был слишком молод. Мегрэ дал ему лет тридцать. Одет в черный костюм, очевидно, тот же, в котором работал в универмаге.

Довольно красивый парень, с почти черными усами и волосами.

Все закончилось. Церемония, если в данном случае можно говорить о церемонии, продолжалась всего несколько минут. Машина, выделенная для родственников, тронулась с места. Мегрэ осмотрел окрестности и не заметил ни одной подозрительной фигуры. Теперь, когда клошар был похоронен, комиссару казалось, что истина отодвинулась еще дальше.

Он был в неважном настроении и продолжал молчать, словно по-прежнему пережевывал стоящую перед ним проблему. Убить Марсея Вивьена и даже не выпотрошить матрас, где бедняки обычно прячут свои деньги!

Мегрэ невольно возвращался на двадцать лет назад, почему и послал шесть инспекторов на Монмартр.

Приехав в уголовную полицию, он получил приятный сюрприз. Один из шестерых ждал его, очень возбужденный.

- Что нашли?
- Какого числа исчез Вивьен?
- Двадцать третьего декабря...
- И с тех пор его никто больше не видел?
- Совершенно верно.
- Он купил дочке рождественский подарок?
- Я не подумал спросить об этом его жену.
- Вы знаете "Сирано", пивную на площади Бланш?
- Да.
- Один из гарсонов, которому лет шестьдесят, опознал Вивьена по фотографии.
- Когда он его видел?
- После двадцать третьего декабря. В конце января следующего года.
- Как он может быть так уверен спустя столько лет?
- Потому что как раз в январе он поступил на работу в "Сирано".
- Он часто видел Вивьена?
- Минимум раз десять - в январе и феврале сорок шестого. И он приходил не один. С очень молодой женщиной, низенькой брюнеткой, постоянно бравшей своего спутника за руку.
- В котором часу парочка появлялась в "Сирано"?
- Около одиннадцати или в одиннадцать тридцать, после закрытия кинотеатров.
- Гарсон уверен, что это был именно Вивьен?

- Он утверждает, что да, поскольку тот пил только минеральную воду, а его спутница заказывала "Куантро"...

Это было его первое место гарсона в кафе. До того он работал коридорным в крупном отеле на Больших бульварах...

- И в других местах, кроме пивной, он их не встречал?

- Нет. Жюльен (так зовут гарсона) жил достаточно далеко, на бульваре Ла-Шапель...

- И когда эта пара пропала из виду?

- Месяца через два.

- И с тех пор он Вивьена больше не видел?

- Нет.

- Молодую женщину тоже?

- Тоже.

- Он не слышал, чтобы спутник называл ее по имени?

- Нет. Похоже, это все, что он знает.

Из этой истории, если Жюльен не перепутал даты, следовало, что Вивьен ушел из дома и бросил свою мастерскую не для того, чтобы стать клошаром.

Он ушел из-за женщины. Очевидно, рассчитывал начать жизнь с начала. Но почему он не сменил квартал?

"Сирано" находится всего в паре сотен метров от его мастерской, меньше чем в километре от квартиры, где по-прежнему жили его жена и дочь.

Не боялся быть узнанным? Или ему это было безразлично? Объявил ли он жене, что уходит к другой? И не в этом ли крылась причина ожесточенности мадам Вивьен?

- Сегодня после обеда возвращайтесь в квартал и продолжайте опрос. Возможно, в том же "Сирано" есть другие пожилые гарсоны. Зайдите к хозяину...

- Хозяину нет и тридцати. Он сын прежнего владельца, который переехал в деревню.

- Надо выяснить, куда именно переехал.

- Понял, патрон.

- В квартале есть множество небольших отельчиков.

Их тоже надо обойти. В те времена особенно трудно было найти квартиру. Почти невозможно...

Мегрэ знал, что в конце концов сам поедет в "Сирано" и станет бродить в районе бульвара Рошешуар.

Он поехал обедать домой, но сначала позволил себе выпить стаканчик аперитива в пивной "У дофины", а уже потом остановил такси.

Как и планировал, Мегрэ примерно в половине третьего оказался перед террасой "Сирано". Площадь Бланш была довольно оживленной - вереницы автобусов, группы туристов, увешанные фотоаппаратами. Все, или почти все, фотографировали "Мулен Руж" {"Красная мельница" - одно из наиболее знаменитых парижских ночных кабаре, достопримечательность Монмартра}, находящийся неподалеку.

Терраса была переполнена, не нашлось ни одного свободного места. Гарсоны - их было трое - сновавшие между столиками, оказались довольно молодыми, но в самой пивной Мегрэ заметил одного лет под шестьдесят.

Он вошел и сел на табурет.

- Стакан пива...

Он не взял с собой Торранса, смущенный своим все возрастающим интересом к личности Марселя Вивьена.

- Вас зовут Жюльен? - спросил он, когда гарсон принес заказ. - Это с вами сегодня утром разговаривал один из моих людей?

- Вы комиссар Мегрэ?

- Да.

- Для меня большая честь познакомиться с вами.

Мне кажется, я рассказал вашему инспектору все, что знаю.

- Ваши воспоминания относятся именно к сорок пятому году?

- Да. Я почему так уверен - утром уже говорил - это было мое первое место официанта.

- Конец декабря - начало января?

- В этом я не так уверен. В конце декабря такая предпраздничная толчея, что просто нет времени рассматривать клиентов...

Его позвали к столику во втором ряду, он принял заказ и вернулся с двумя стаканами пива.

- Простите, но в зале я один. Остальные обслуживают клиентов на террасе. Так о чем я говорил? Да, в январе... А возможно, и в феврале, потому что я к ним привык, а на это требуется время.

- У вас не было никаких сомнений, когда вы опознали Вивьена?

- Имени его я не знал, но это точно он приходил сюда чуть ли не каждый вечер в компании симпатичной девушки.

- И почти всегда в то время, когда в кинотеатрах заканчивался последний сеанс?

- Да. Меня это поразило, сам не знаю почему.

- А ту женщину вы могли бы опознать?

- Знаете, женщин через двадцать лет узнавать труднее... Впрочем... Эту я бы точно узнал...

- Почему?

- У нее на щеке была вишневая родинка, как капля вина...

- На левой или на правой?

- Погодите... Они почти всегда садились за этот столик... Значит, принося им заказ, я видел левую щеку.

Гарсону снова пришлось отойти, чтобы заняться новым клиентом, заказавшим коньяк и воду.

- Позднее вы никогда не встречали эту женщину с другим спутником?

- Нет, не припоминаю. Мне кажется, я бы обратил на нее внимание, потому что привык к ее лицу и манере одеваться.

- А как она одевалась?

- Всегда в черное. Строгое черное шелковое платье и черное пальто с меховым воротником.

- У этой пары была машина?

- Нет, они приходили пешком, как будто жили по соседству...

- А такси им случалось брать?

Как раз напротив пивной находилась стоянка.

- Я не видел.

- И, выходя отсюда, они не направлялись к станции метро?

- Нет. Я думал, что они живут в этом квартале. После полуночи все иначе - кабаре заполняют иностранцы.

А мы тут живем как будто на другом берегу. Между двумя сторонами бульвара большая разница. - Он хлопнул себя по лбу. - Да что я вам тут наплел? Я ведь говорил про сорок пятый? Что-то я запутался в вопросах... Это было в сорок шестом, конечно. В сорок пятом я еще работал коридорным в "Гранд-отеле"...

Ему опять пришлось отойти к другому столику, где клиенты потребовали счет.

Вернувшись, гарсон объяснил:

- Я люблю этот квартал. Он не похож на другие парижские кварталы. Здесь сохранилось много мелких ремесленников, у которых во дворах мастерские. А еще много служащих, чиновников, продавцов и продавщиц.

Наконец, мелких рантье-, которые слишком привязаны к Монмартру, чтобы уехать доживать свои дни в деревне... Могу я вам еще чем-то быть полезен?

- Вряд ли... Если вспомните что-нибудь интересное, будьте любезны позвонить мне на набережную Орфевр...

- Иду! Иду! - обратился он к начавшим терять терпение четверым новым клиентам.

На западе собирались тучи, а другая половина неба оставалась почти чистой. Время от времени пролетал легкий ветерок.

Мегрэ медленно пил пиво, обещая себе, что на сегодня этот стакан станет последним. Он собирался оплатить счет, когда к нему наклонился сосед:

- Я правильно расслышал? Вы - комиссар Мегрэ?

Простите, что так вот обращаюсь к вам...

Он был очень толстым, с красным лицом, с тремя подбородками и огромным пузом.

- Я родился на Монмартре, прожил тут всю жизнь.

На бульваре Рошешуар держал лавку по продаже рамок для картин. Дело я продал три года назад, но сохранил свои привычки...

Мегрэ с интересом рассматривал его, не зная, к чему толстяк клонит.

- Не желая подслушивать, я все-таки слышал часть вашего разговора с гарсоном. Речь шла о клошаре, убитом в заброшенном доме близ Центрального рынка?..

Я тоже видел фотографии в газетах и уверен, что не ошибся.

- Вы его знали?

- Да.

- Вы видели его недавно?

- Нет. Лет двадцать назад. А узнал я его по фотографиям, где он без усов.

- Вы бывали в его мастерской на улице Лепик?

- Нет. Если верить тому, что пишут в газетах, там его уже не было. Я, как и Жюльен, познакомился, с ним в сорок шестом.

- В какое время года?

- В феврале, если не ошибаюсь. И регулярно встречал его на протяжении полугода.

- Он жил возле вас?

- Я не знаю, где они - он и его подружка - жили, но обедали всегда в том же ресторане, что и я, - в "Гурмане" на улице Данкур. Это маленький ресторанчик для завсегдатаев, всего-то полдюжины столов. Рано или поздно знакомишься со всеми.

- Вы уверены, что это продолжалось полгода?

- Я видел их еще в августе, перед тем, как уехать на три недели на Лазурный берег...

- А когда вы вернулись?

- Машинально искал их глазами, но они больше не приходили. Я спросил о них у Бутана, хозяина ресторана, и он мне сказал, что в один прекрасный день эти люди не пришли - и все.

- Может, они тоже уехали в отпуск?

- Нет. Они бы вернулись осенью. А я с тех пор больше не встречал их ни на бульваре, ни на улицах.

Мегрэ был смущен тем, что ему рассказал этот человек, явно говоривший правду и, похоже, обладавший отличной памятью. Вместе с воспоминаниями гарсона его сведения приводили к выводу, что, бросив жену и дочь на улице Коленкур и оставив свою мастерскую на улице Лепик, Марсель Вивьен сожительствовал с некоей очень молодой, возможно, совсем юной женщиной, даже не потрудившись переехать в другой квартал.

В течение двух месяцев они регулярно посещали "Сирано", после того как выходили из кино. До середины августа их встречали в маленьком ресторанчике на улице Данкур, в нескольких кварталах отсюда.

На что они жили? На сбережения Вивьена, если таковые у него были? Следует ли предположить, что, уходя из дома, он ничего не оставил жене и дочери?

Еще один вопрос, который надо будет задать мадам Вивьен, потому что дочь может и не знать. Ответит ли она?

Комиссар вздохнул, заплатил за пиво, поблагодарил Жюльена и соседа по столику - продавца рамок.

- То, что я рассказал, вам пригодится?

- Конечно.

Мегрэ пошел вдоль бульвара, на ходу набивая трубку. На улице Данкур он сразу нашел ресторан под вывеской "Гурман". Зал был маленьким, дверь оставили открытой, чтобы создать сквозняк. За стойкой читал газету немолодой мужчина, одетый как повар.

Это был ресторан по моде прошлых лет, с прикрепленными к стене ячейками для сумок и портфелей Посетителей. Стеклопанельная дверь отделяла зал от кухни.

Разумеется, в этот час ресторан пустовал.

- Желаете что-нибудь выпить?

Мегрэ подошел к оловянной стойке.

- Пить я не буду, но хотел бы задать вам несколько вопросов.

- А вы кто такой?

- Комиссар уголовной полиции.

- Я так и знал, что рано или поздно полиция сюда явится.

- Почему?

- Потому что Вивьен, этот странный клошар, много месяцев ходил в мой ресторан.

- В каком году?

- В сорок шестом.

- Он ходил к вам один?

- Нет. Всегда вместе с симпатичной девушкой, которая не упускала случая прижаться к нему.

- Почему вы их запомнили?

- Потому что официанты и клиенты невольно улыбались, видя их. Они казались такими влюбленными друг в друга... Даже прерывали обед, чтобы целоваться, при всех...

- Вас это не удивляло?

- Знаете, при моей работе всякого насмотришься, так что меня не просто удивить. Он выглядел лет на пятнадцать старше ее, но таких пар много.

- Вы не знаете, где они жили?

- Нет. Возможно, в этом квартале, потому что приходили пешком, под ручку, как люди, у которых навалом времени.

- На такси никогда не уезжали?

- Не видел, врать не буду.

- Они хоть изредка приходили ужинать?

- Нет. Меня это не удивляло, потому что в полдень к нам ходят клиенты, работающие поблизости, а по окончании рабочего дня они возвращаются по домам. По вечерам здесь совсем другая клиентура.

- Когда они перестали ходить к вам?

- Примерно пятнадцатого августа... Я закрыл ресторан на пару недель, чтобы свозить жену в деревню, да и самому порыбачить... А после возвращения их уже не видел... Очевидно, перебрались в другой ресторан..

Мегрэ поблагодарил владельца ресторана и вышел на бульвар Рошешуар, по которому пошел ленивым шагом, как жители квартала. Он ничего не понимал. Что-то в этой истории не сходилось.

Марсель Вивьен ушел из дома за два дня до Рождества. Похоже, он очень любил дочку, которой тогда было всего восемь лет, и тем не менее не отложил уход на три дня. Или он только что познакомился с молодой женщиной или девушкой, к которой ушел?

Скоро на пути комиссара оказалась cabina телефона-автомата. Он вошел внутрь, набрал номер мадам Вивьен и услышал ее сухой голос:

- В чем дело?

- Это опять я, комиссар Мегрэ. Сейчас у меня к вам всего один вопрос, но он крайне важен для дальнейшего хода расследования. Когда ваш муж исчез, он оставил вам деньги?

- Нет!

- У него не было банковского счета или сберегательной книжки?..

- Он имел счет в банке, потому что клиенты расплачивались с ним чеками...

- Он снял со счета все, что там было?

- Да.

- Вы ожидали его ухода?

- Как это я могла ожидать?

- Разве вы не были в курсе его связи с другой женщиной?

- Нет. И не желаю о ней знать. - Она бросила трубку.

Итак, в августе 1946 года Марсель Вивьен все еще жил на Монмартре со своей любовницей. Затем его след терялся. Уехал в провинцию или за границу? Или же именно в этот момент выбрал для себя жизнь клошара?

И что стало с его подружкой, чей влюбленный вид вызывал умиленные улыбки у завсегдатаев "Гурмана"?

Мегрэ повезло: он сел в автобус с открытой задней платформой, один из последних автобусов этой модели, еще ходивших по Парижу. Скоро их совсем не останется. Он курил трубку, рассеянно обводя взглядом постоянно меняющуюся панораму Парижа.

Какой же вывод можно сделать из того, что он знал?

В общем, ему было известно начало: таинственный уход Марселя Вивьена, у которого была хорошая работа, жена, ребенок и который в один прекрасный день бросил все, чтобы уйти к молодой женщине.

На сколько времени хватило его сбережений? И что он делал, когда они закончились?

Дальше в его жизни шел крутой разлом. Он исчез из виду в августе 1946 года на Монмартре, где был постоянным клиентом "Сирано" и "Гурмана".

После этого - полная пустота, новое исчезновение.

Он бросил свою подружку или она его?

След Вивьена не обнаруживался нигде до того момента, как спустя восемнадцать лет его нашли убитым в комнате заброшенного дома. Жил он один. Ни с кем не общался. Два-три раза в неделю ходил в школу парикмахерского искусства и подставлял свою голову ученику.

Убивший его действовал не спонтанно, поскольку обычно люди не прогуливаются с пушкой 32-го калибра в кармане.

Где следовало искать мотив убийства: в последних месяцах на Монмартре или в деятельности Вивьена в последующие годы? Не было известно даже, сколько лет он прожил в окрестностях Центрального рынка. А что стало с его подружкой? Как ее звали? Мегрэ машинально направился к переулку Вьо-Фур. У дверей дома, где жил Вивьен, дежурил полицейский в форме.

Очевидно, Вивьен прожил там достаточно долго, если устроил свалку, что загромождала его комнату. Был ли он в полном рассудке? Месье Жозеф, хозяин парикмахерской школы, похоже, не заметил никаких отклонений в его поведении. Правда, алкоголиков и типов со странностями он видел куда чаще, чем нормальных людей.

Мегрэ поднялся по лестнице. Он впервые пришел один в пустой, сырой дом, полный неожиданных звуков. Он не искал ничего конкретного. Просто хотел еще раз увидеть обстановку, в которой жил Вивьен.

В комнате нашли только его отпечатки пальцев, и это наводило на мысль, что убийца действовал в перчатках.

На полу валялась совершенно разломанная керосиновая лампа. Что Вивьен собирался с ней делать? Разрозненные ботинки самых разных размеров. Выпотрошенный чемодан, некогда очень элегантный.

Может, Вивьен занимал и другие комнаты дома, оставляя их после того, как они заполнились хламом?

Мегрэ поднялся на пятый этаж по не очень крепким ступенькам лестницы, многие из которых к тому же вообще отсутствовали. На пятом не было ни стекол, ни дверей. На полу валялись старые ящики и картонные коробки.

Мегрэ спустился на тот этаж, где жил Вивьен, и снова стал искать, стараясь не запачкаться в пыли. Он представлял себе, как старик в одиночестве возвращался сюда, поднимался по темной лестнице, чиркая спичкой. Теперь вопрос стоял не о том, кем он был, и выяснить следовало не его далекое прошлое, а именно: как долго он вел такое существование?

Мегрэ простился с дежурившим у двери полицейским и направился на улицу Прувер, в комиссариат. Аскан не заставил его ждать, и вскоре Мегрэ опустил на стул в его кабинете.

- Думаю, мне понадобится ваша помощь...

- Вы узнали что-нибудь новое помимо того, что писали в газетах?

- Да. Но не хочу, чтобы это получило огласку в данный момент. Уйдя из дома двадцать третьего декабря, Вивьен остался в том же квартале. Уж не знаю, где он жил, но мне удалось установить, что в январе он вместе с симпатичной девушкой бывал в "Сирано", пивной на площади Бланш.

- В двух шагах от его мастерской.

- Да. Похоже, он не прятался. Не знаю, было ли это проявлением беззаботности... Месяц спустя, все с той же спутницей, он стал обедать в маленьком ресторанчике на улице Данкур. Он не покидал квартала. Он снял все деньги с банковского счета. Возможно, мне удастся выяснить размер суммы. Жену и дочь он оставил без средств. Тот же самый ресторан он посещал до середины августа.

Затем его след теряется, и мы находим его уже одиноким клошаром, живущим возле Центрального рынка. Вот тут-то мне и требуется помощь. Рынок - ваша территория. Там полно клошаров, бывших уголовников, отсидевших свои сроки, и старых проституток... Среди ваших людей должны быть несколько человек, специализирующихся по этой фауне...

- Их всего четверо...

- Вы можете попросить их порасспросить для меня обитателей рынка. Мои люди не знали бы ни к кому обратиться, ни как это сделать...

- Легко. Фотографии у вас есть? Особенно те, где он с бородкой и усами.

- С собой всего несколько штук, но я позвоню в кабинет, чтобы их прислали побольше.

- Не уверен, что моим людям удастся что-нибудь узнать, но они сделают все возможное. А что конкретно вас интересует?

- Как долго Вивьен был бродягой. Возможно, несколько месяцев, а возможно - около двадцати лет.

Клошары все знают друг друга хотя бы визуально и с интересом присматриваются к новеньким, пусть даже и не лезут с расспросами...

- Хорошо. Только не следует ограничиваться теми, что кантуются возле рынка, надо опросить и живущих на набережных.

- Это я и собираюсь сделать. Позвольте позвонить?

Как только Мегрэ соединили с уголовной полицией, он попросил к телефону Мерса.

- Это Мегрэ... Местраль там?.. Да?.. Пусть срочно напечатает для меня пять-шесть комплектов снимков, в первую очередь тех, где убитый с бородкой и усами. Их надо сегодня же отправить в комиссариат на улицу Прувер и передать в руки комиссара Аскана... Спасибо, Мере... Пока... - И Аскану:

- Вы получите их через час.

- Я брошу моих людей на это дело сегодня же ночью.

Когда Мегрэ вышел на улицу, шел сильный ливень, по мостовой прыгали несколько градин. Небо было черным от туч, но комиссару посчастливилось поймать такси.

- В уголовную полицию, - бросил он.

Он устал бесконечно задавать себе самому одни и те же вопросы и не находить ответа на них.

Войдя в кабинет инспекторов, он спросил:

- Кто свободен завтра утром?

Присутствующие переглянулись, и трое подняли руки.

- Зайдите в экспертный отдел за фотографиями и отправляйтесь на Монмартр. Особое внимание окрестностям бульвара Рошешуар. Обойдите все маленькие отельчики. Есть вероятность, что Марсель Вивьен и его подружка около полугода жили в одном из них. В первую очередь меня интересует молодая женщина. Можете также опросить окрестных торговцев, особенно тех, что продают продукты. Удачи, ребята.

Он вернулся в свой кабинет, куда к нему зашел Торранс.

- Есть новости, патрон?

Мегрэ не хватило смелости в очередной раз начинать рассказывать эту историю, и он прошептал:

- Завтра Жанвье может отозвать шестерых своих людей.

Он полчаса подремал в своем кресле, а дождь попадал в открытое окно и мочил паркет.

Глава 4

На следующее утро Мегрэ пришел на службу очень рано и ко времени появления инспекторов уже разобрал почту. Он утверждал, что чем быстрее ведется расследование, тем больше шансов на его успешное завершение.

Оперативники из комиссариата I округа, должно быть, работали на него всю ночь, но он не звонил комиссару Аскану, чтобы не создавать у того впечатления, будто он его подгоняет. Жанвье и несколько свободных инспекторов занимались текущими делами. Кабинеты были почти пусты.

Дождь прекратился. На синем небе виднелись лишь несколько белых облачков, края которых позолотило утреннее солнце.

- Пошли, Торранс.

У Мегрэ не было четкого плана, скорее он полагался на интуицию. Да и какой план можно было выработать в таком деле, как это, где не было ни солидной свидетельской базы, ни единого вещественного доказательства?

- Улица Лепик... Мне кажется, почти напротив мастерской Вивьена я видел отделение банка "Лионский кредит"...

Они приехали на место быстро, потому что в этот час движение было слабым.

- Постарайтесь где-нибудь припарковаться и ждите меня...

Комиссар нагнулся к одному из окошек:

- Я бы хотел поговорить с директором отделения.

- Как доложить?

- Комиссар Мегрэ...

- Вам повезло. Он только вчера вернулся из отпуска...

Ждать не пришлось. Его провели в кабинет, где мужчина лет сорока, с открытым лицом, загоревшем на южном солнце, предложил ему сесть.

- Чем могу вам помочь, господин комиссар?

- Если вы читали в последние дни газеты, то знаете о деле Вивьена. Марсель Вивьен был краснодеревщиком и имел мастерскую напротив вашего отделения. Было это примерно двадцать лет назад. Я хотел бы знать, храните ли вы учетные карточки счетов за тот период.

- Двадцать лет? Нет. Когда счет закрывается, то есть когда клиент снимает все лежащие там деньги, мы храним карточку несколько месяцев, после чего отправляем ее в главный офис, на бульвар Дез-Итальян.

- А там долго хранят такие бумаги?

- Точного срока я не знаю, но наверняка не больше десяти лет. В противном случае вы себе представляете, какие бы нам понадобились помещения для хранения всего этого.

- В последнем окошке я заметил немолодого служащего...

- Папаша Фрошо... Наш старейший сотрудник... Работает в банке сорок лет и в конце месяца уходит на пенсию...

- Можно мне с ним поговорить?

Директор нажал на кнопку электрического звонка. В дверь заглянул молодой человек.

- Пришлите ко мне Фрошо...

У старого служащего было хитрое лицо, и глаза за толстыми стеклами очков тоже искрились хитрецей.

- Садитесь, месье Фрошо. Представляю вам комиссара Мегрэ, который желает задать вам несколько вопросов...

- Для меня большая честь...

- У вас хорошая память, месье Фрошо?

- Здесь у меня такая репутация...

- Клиент, о котором я хотел вас спросить, покинул это квартал двадцать лет назад, и у меня есть все основания полагать, что он закрыл свой счет...

- Марсель Вивьен?

- Откуда вы знаете?

- Я читаю газеты, а раз уж вы пришли сюда лично...

- Вы правы... Вам известна примерная сумма, которую Вивьен держал в банке?

- Его счет, довольно скромный, был подвержен, так сказать, приливам и отливам, в зависимости от поступления денег... Скажем так: в среднем его кредит колебался от десяти до пятнадцати тысяч франков... В конце каждого месяца он снимал на жизнь около двух тысяч...

- Когда вы видели его в последний раз?

- Однажды утром, когда я только открыл свое окошко. Он сообщил мне, что переезжает и снимает все деньги со счета. Я спросил его, в каком квартале он поселится, а он мне ответил, что собирается обосноваться на Монпарнасе...

- Сколько вы ему выдали?

- Примерно двенадцать с половиной тысяч франков...

- Он показался вам нервным?

- Нет. Он был веселым человеком, имевшим прекрасную работу. Даже крупные антиквары доверяли ему мебель... для ремонта...

- Как долго он держал мастерскую на улице Лепик?

- Чуть меньше десяти лет. Восемь или девять. Он был спокойным человеком, проживал на улице Коленкур.

- Благодарю вас, месье Фрошо .. Секунду... Еще один вопрос... В дальнейшем вам не доводилось встречать его на улице?

- С того момента, как он вышел из банка, я его больше не видел. Не понимаю, с чего он стал клошаром, потому что он всегда производил впечатление уравновешенного человека...

Мегрэ вернулся в машину, в которой его ждал Торранс.

- Нашли, что искали, патрон?

- И да и нет. Во всяком случае, то небольшое, что я узнал, не слишком мне полезно.

- Куда вас отвезти?

Домохозяйки осаждали маленькие тележки с овощами, и их голоса создавали непрерывный гул.

- На Набережную.

В этот самый момент в этом же квартале трое инспекторов в поисках следов Вивьена ходили от отеля к отелю. Процедура могла занять много дней, потому что в этом квартале полно маленьких гостиниц. Но удача могла сразу же навести их на нужный след.

Отчасти так и получилось. Едва Мегрэ сел за свой стол, как ему позвонил один из троицы - инспектор Дюпе.

- Вы откуда звоните, Дюпе?

- Из отеля "Морван" на улице Клиньянкур. Вивьен когда-то жил здесь, и хозяин его отлично помнит. Будет лучше, если вы сами допросите.

- Выезжаем, Торранс...

Торрансу только это и было нужно. Ему нравилось исполнять функции водителя патрона.

- Улица Клиньянкур, отель "Морван".

Дюпе курил на тротуаре. Табличка из фальшивого мрамора, висевшая возле двери отеля, сообщала: "Комнаты на месяц, на неделю и на день".

Они вошли втроем. Хозяин был небритый мужчина с выпирающим пузом, в войлочных тапочках. Очевидно, он и не умывался. Распахнутая рубашка открывала волосатую грудь. Он выглядел уставшим, а глаза у него слезились.

- Значит, это вы Мегрэ, - произнес он, протягивая сомнительной чистоты руку.

- Мне сказали, что вы были здесь в сорок шестом...

- Я был здесь и раньше...

- Вы нашли имя Марселя Вивьена в ваших регистрационных журналах?

- Я не храню регистрационные журналы по двадцать лет.

- Но вы его помните?

- Отлично помню. Красивый был мужчина, приветливый.

- Как долго он у вас прожил?

- С января по июнь...

- Вы уверены, что не до середины августа?

- Уверен, потому что вместо него въехала одна ломака, которую мне пришлось потом выставить за дверь.

- Вивьен был не один... Вы знаете имя его подружки?.. Очевидно, заполняли карточку и на нее...

- Карточка не понадобилась, потому что она не оставалась тут на ночь...

- Вы хотите сказать, что они не жили вместе?

- Да.

Мегрэ был поражен. Этого он ожидал меньше всего.

- Она никогда не приходила в гостиницу?

- Бывало, заходила за ним ближе к обеду. Он поднимался поздно, потому что редко возвращался раньше двух или трех часов утра...

- И вы уверены, что он жил один?

- В противном случае мне пришлось бы зарегистрировать его подружку. Бригада по надзору за гостиницами с такими вещами не шутит.

- Она никогда не поднималась к нему в номер?

- Довольно часто, но только днем. Я не мог этому помешать.

- Вам известно ее имя?

- Я слышал, как ее называл Вивьен: Нина...

- У нее были особые приметы?

- Родинка на щеке.

- Как она одевалась?

- Всегда в черное. Во всяком случае, всякий раз, когда я ее видел.

- У Вивьена было много вещей?

- Всего один чемодан, совсем новенький, но достаточно дешевый. Такое впечатление, что он приобрел его накануне приезда сюда...

Трое полицейских переглянулись. Они узнали только одно: Вивьен съехал из гостиницы "Морван" в июне, то есть июль и часть августа провел где-то в другом месте.

Что же касается молодой женщины, о ней ничего не было известно, даже фамилия. Где она жила: в другой гостинице, с родителями или же снимала небольшую квартиру?

Все утро было занято хождениями туда-сюда. Вчерашний дождь не освежил воздух. Напротив, стало еще жарче, чем в предыдущие дни, и многие мужчины несли пиджаки под мышкой.

Не прошло и пятнадцати минут после возвращения Мегрэ в уголовную полицию, как зазвонил телефон. Это звонил Лурти, и тоже с Монмартра. Сегодня и ему повезло.

- Я на площади Дез-Аббесс, патрон. Звоню из бистро напротив отеля "Жонар". Хозяин, похоже, мало что знает, но думаю, вы предпочтете сами допросить его.

- В путь, Торранс...

- Куда на этот раз?

- Площадь Дез-Аббесс, отель "Жонар"...

Фасад гостиницы был облицован белой керамикой, а в вестибюле пахло острыми ароматами южной кухни.

- Я рассказал вашему инспектору все, что знал.

Хозяин был неразговорчивым и мрачным субъектом.

- Вы его хорошо помните?

- "Хорошо" - сильно сказано. Помню, потому что у него была смазливая подружка...

- Она зарегистрировалась у вас?

- Нет. Она ни разу не провела в отеле ночь. Днем заходила к нему в номер...

- Когда он у вас поселился?

- Где-то в июне, если не ошибаюсь.

- А съехал?

- В августе... Ближе к концу месяца... Он был очень корректным, вежливым, не все постояльцы такие...

Досадно было, что не удалось получить никаких сведений о молодой женщине, не считая того, что на щеке у нее была родинка.

- Можете возвращаться на Набережную, - сказал Мегрэ Лурти.

Сам же он велел отвезти себя в комиссариат I округа. Комиссар Аскан, дверь в кабинет которого была открыта, пошел ему навстречу.

- Вам передали, что я звонил?

- Нет. Я только что с Монмартра.

- Я звонил сказать, что мы получили некоторые результаты. Пока ничего сенсационного, но, думаю, это вам пригодится. Садитесь.

Мегрэ не спеша набил трубку и, прежде чем раскурить ее, вытер со лба пот.

- Мои инспекторы задержали самого старого клошара в районе рынка, которого все называют Тото. Отметьте, он обосновался там пятнадцать лет назад. На всякий случай я его запер до вашего приезда, потому что этих людей не так-то просто отыскать...

Ажан привел того самого Тото, о котором шла речь.

Это был старик, пропахший вином, однако не пьяный.

- И долго еще меня будут держать в этой клетке?

Я свободный человек или нет? И чист - ни одной судимости...

- Комиссар Мегрэ хочет задать вам несколько вопросов.

- Откуда вы пришли в район рынка?

- Из Тулузы.

- А там чем занимались?

- Да, почитай, тем же, чем тут. Только в провинции достают больше.

- Вы никогда не имели постоянной работы?

Он глубоко задумался.

- Я всю дорогу таскал ящики да корзины.

- А в молодости?

- Я ушел из дома в четырнадцать. Меня трижды возвращали, а я все равно сбегал. Хоть привязывай.

- И с каких пор вы в Париже?

- Пятнадцать лет... Я знал всех клошаров... На моих глазах помирали старики, а вместо них приходили новенькие...

- Вы знали Марсея Вивьена?

- Имя узнал, только когда его назвал этот месье...

Он появился тут еще до меня... Он был неразговорчив...

Часто сидел один, а когда с ним заговаривали, отвечал "да" или "нет", а то и вообще отмалчивался.

- Где он спал?

- Где в те времена, не знаю. Я часто встречал его в ночлежках Армии спасения... Потом мне сказали, что он поселился в предназначенном на снос доме...

- Вы никогда не видели его с женщиной?

Тото засмеялся, как будто вопрос был очень смешным.

- Нет, господин комиссар. Здесь это не принято...

Тем более если мужчина был раньше важным человеком, как он... А я готов поспорить, что он был большой шишкой... Знаете, у нас был один бывший врач, но тот крепко пил и быстро помер...

- Вам не доводилось встречать Вивьена в обществе незнакомого человека?

- Нет... К тому же мне не было интереса заниматься им...

- Благодарю вас...

Тото повернулся к комиссару Аскану:

- Я могу идти?

- Да.

- Следующую! - приказал Аскан своему подчиненному.

- Женщина?

- Да.

Ее можно было бы назвать монстром. Она была такой толстой, что едва помещалась на стуле. Ноги раздуты, как и груди. Она была пьяна и смотрела на окружающих вызывающим взглядом.

- Ну, чё у вас есть на Нану?
- Ничего, - ответил комиссар. - Просто хотим задать вам несколько вопросов.
- На бутылку дадите?
- Идет...

Женщина поднялась, протягивая руку, - она предпочитала предоплату. Комиссар сунул в грязную ладонь пять франков.

- Поторопитесь, потому что мне хочется пить.
- Вы сказали инспектору, допрашивавшему вас этой ночью, что видели, как кто-то входил в дом в тупике Вьо-Фур.
- Истинная правда.
- Когда это было?
- Дня три-четыре тому... Я никогда не знаю, какой сегодня день... Мне оно, понимаете, по барабану... Могу сказать только, что было это в ночь перед той, когда вы нашли труп клошара...
- Который был час?
- Часа три утра.
- Что это был за человек?
- Мужчина. Немолодой, но не старик. Длинный такой, тощий. Шел прямо. Сразу было видно, что он на рынке не завсегда.
- А по чему это было видно?
- Не знаю, но чувствуется сразу.
- Раньше вы его видели?
- Да.
- Когда?

- В тот же вечер, около десяти. Он вышел из ресторана "Фарамон" и смотрел, как разгружают овощи, фрукты и рыбу. Ясно было, что он к этому непривычный. Его все заинтересовало.

- Марсель Вивьен там был?
- Это тот, чью фотку напечатали в газетах? Кажется, он помогал разгружать машину.
- Человек, которого вы видели в три часа утра, не заговорил с ним?
- Нет... Не знаю... Вы меня совсем запутали вашими вопросами, пить охота дальше некуда...

Мегрэ сделал знак, что закончил допрос, и бродяжку освободили. Через час ее, купившую литровую бутылку крепленого красного вина, найдут мертвецки пьяной на тротуаре.

- Мои люди, - сказал Аскан, - продолжат поиски ближайшей ночью, но я подумал, что показания этих двоих вас заинтересуют.

- Да, - ответил Мегрэ, раскуривая погасшую трубку. - Во-первых, теперь мы знаем, что Вивьен жил здесь более пятнадцати лет. Во-вторых, что мужчина, не привыкший посещать Центральный рынок, оказался там в ночь его убийства... Очевидно, увидел его во время разгрузки овощей... Искал ли он его или встретил случайно, мы не знаем... Но около трех утра он объявляется в тупике Вьо-Фур...

Если стрелял он, то вероятно, что в промежутке он сходил домой за пистолетом, - вряд ли он посещал "Фарамон" с оружием такого калибра...

- Вот только мы не имеем ни малейшего понятия - ни кто этот человек, ни где его искать... Вполне возможно, что он приехал из провинции...
- Как думаете, толстуха не наврала?

- Вряд ли... Клошары не любят ссориться с полицией, потому что она может крепко осложнить им жизнь...

- Между монмартрскими отельчиками и рынком остается пять лет... Возможно, Вивьен провел их здесь.. -.

- У нас нет клошара старше Тото... Эти люди не доживают до глубокой старости... Парикмахерская школа тогда еще не существовала... Что касается торговцев, они сколачивают состояние и возвращаются в родную деревню... Найти хоть одного из тех, кто был здесь в сорок шестом, очень непросто...

- Спасибо, - вздохнул Мегрэ, поднимаясь. - Полученные вами сведения имеют большую ценность. Хотелось бы мне сказать то же самое о тех, что получены на Монмартре.

- Вы не вышли на его след?

- Вышел. Нашел гостиницу, даже две. Вот только его подружка не жила с ним. Ни разу не провела ночь ни в том отельчике, ни в другом. Она или жила в третьем, или имела собственное жилье. Если бы она жила с родителями, то, очевидно, не могла бы ежедневно возвращаться под утро. Ни фамилии, ни адреса. Только родинка на левой щеке...

- Рано или поздно вы ее найдете.

- Это было бы неожиданной удачей. Что же касается клиента "Фарамона", маловероятно, чтобы он вернулся в район рынка. Если это и есть убийца Вивьена, он не захочет светиться...

- Мы все равно его поищем...

- Благодарю вас, Аскан...

Мегрэ вернулся в машину и велел ехать на набережную Орфевр. После очень короткой передышки вернулась сильная жара. Мегрэ захотелось сунуть пиджак под мышку. Он снял его, едва войдя в свой кабинет.

- Есть новости?

- Звонила женщина... Мадам Делава...

Дочь Вивьена.

- Она не сказала, что хочет?

- Нет. Можете ей перезвонить, она все утро будет дома...

Мегрэ заказал ее номер и скоро услышал доносящиеся с того конца женский голос и детские крики.

- Алло! Комиссар Мегрэ?

- Да, мадам.

Из голоса молодой женщины исчезла агрессивность, звучавшая при их первой встрече.

- Не знаю, стоит ли вам говорить ту малость, которую я знаю, но, если хотите, заезжайте ко мне сразу после обеда, я вам расскажу, что мне известно. Позже меня не будет дома - я пойду гулять с детьми. Мне кажется, если я поговорю с вами, моя совесть успокоится...

Комиссар вернулся обедать домой, и жена подала ему петуха в вине - одно из самых любимых его блюд. Но в этот раз он ел рассеянно и не похвалил жену.

- Нервничаешь, да? - не выдержала она. - С самого начала этого дела ты не в своей тарелке. Такое впечатление, будто тебя что-то раздражает...

- Ты же знаешь: в расследовании всегда бывает поворот, на котором я теряю уверенность в себе. Так получилось, что в этом деле я иду от поворота к повороту.

Кажется, будто делаешь шаг вперед, а потом замечаешь, что топчешься на месте. Не забывай, мне приходится восстанавливать события, большей частью случившиеся двадцать лет назад...

Кроме того, Марсель Вивьен, тот, кого убили возле Центрального рынка, то кажется мне симпатичным, а то я его ненавижу...

- Вот увидишь, ты справишься.

- Придется справляться, так или иначе. Кстати, надо будет зайти к следователю...

Он вернулся на набережную Орфевр, и Торранс вновь приступил к исполнению обязанностей водителя.

- Рынок? Монмартр?

- Монмартр. К Одетт Делаво, улица Маркаде.

На Одетт было платье в ярких цветах, и выглядела она особенно свежей.

- Садитесь, пожалуйста.

Очевидно, дети спали после обеда, потому что их не было ни слышно, ни видно. Кроме того, Одетт Делаво разговаривала вполголоса.

- Вы нашли адрес той молодой женщины? - спросила она.

Газеты об этом еще ничего не писали. Эту часть расследования он предпочитал не афишировать.

- Какой молодой женщины? - переспросил Мегрэ с фальшивым простодушием.

Она хитро улыбнулась:

- Бойтесь себя скомпрометировать, да? Вы мне до конца не доверяете.

- Вы не ответили на мой вопрос.

- Женщину, ради которой отец нас бросил. Тогда я ничего о ней не знала. Мать мне ничего не рассказывала. Хотя она утверждает обратное, моя мать очень ревнива и много раз следила за отцом после того, как он выходил из мастерской. Так что она знала об этой связи еще до того, как отец нас бросил. Она ему ничего не говорила, но начала замыкаться в себе. Мне она об этом рассказала много позже, когда я была уже в таком возрасте, когда понимала, что к чему.

Это произошло много лет назад, когда мы еще жили вместе. У меня в Мо есть дядя, дядя Шарль. У него крупное предприятие по производству минеральных удобрений. Он навещал мать всякий раз, когда приезжал в Париж. Когда мы остались без денег, без поддержки, уверена, это он помогал матери, пока она не смогла сама зарабатывать на жизнь.

Мегрэ машинально набил трубку, но не раскуривал ее.

- Можете курить... Мой муж дымит целыми вечерами, когда смотрит телевизор.

Однажды я сидела в своей комнате, а дверь в гостиную была неплотно закрыта. Дядя Шарль был у нас, и я слышала, о чем они с матерью разговаривали. Как сейчас слышу голос матери:

"В общем, это оказалось хорошим выходом. Я бы не смогла жить с мужчиной, только что выбравшимся из объятий другой женщины".

"Ты уверена в том, что говоришь?"

"Я много раз следила за ними. Я начинаю узнавать их привычки, знаю, где она живет... Они даже не потрудились переехать в другой квартал. Марсель без ума от нее.

Никогда не видела мужчину в таком состоянии. Он сделает что угодно, чтобы удержать ее..."

Обратили внимание, что мать сказала дяде Шарлю "...знаю, где она живет..."? Это внезапно всплыло у меня в памяти, потому-то я вам и позвонила.

- Она не назвала вашему дяде адрес?

- Нет. Они говорили о деньгах. Дядя спросил, есть ли у нее неоплаченные счета, должны ли нам деньги клиенты... Полагаю, вас интересует адрес?

- Очень интересует. Несколько моих инспекторов тратят время на ее безуспешные поиски. Мы даже не знаем ее фамилии.

- Уверена, ее знает моя мать. Не говорите ей, что это я вас к ней направила...

- Не беспокойтесь... И большое спасибо... Полагаю, вы не помните очень высокого и очень худого мужчину с вытянутым лицом и голубыми глазами?

- А когда я могла с ним встречаться?

- Не знаю. Возможно, двадцать лет назад. А может, в последнее время.

- Я не знаю никого, кто подходил бы под это описание. Его так важно найти?

- По показаниям одного свидетеля, именно он убил вашего отца.

Глаза молодой женщины слегка затуманились.

- Нет. Я его не знаю.

Когда комиссар уходил, она пожала ему руку.

- Удачи с мамой...

Он велел Торрансу отвезти его на улицу Коленкур.

Дверь долго не открывали.

- Опять вы! - с отвращением вздохнула мадам Вивьен. - Подождите в прихожей, у меня клиентка.

Она указала на стул, оказавшийся очень неудобным, и Мегрэ покорно сел на него, положив шляпу на колени и держа в правой руке по-прежнему незажженную трубку. Из соседней комнаты доносились голоса, но неясно, и он выхватывал из общего фона отдельные слова.

Ожидание затянулось на полчаса. Клиентка оказалась пышногрудой блондинкой с широкой улыбкой, которая с интересом оглядела его, направляясь к двери. Заперев за ней, мадам Вивьен повернулась к комиссару:

- Вы что, так никогда и не оставите меня в покое?

- Будьте уверены, я стараюсь вас беспокоить как можно меньше...

- Что ж было, если б вы не были столь любезны...

- Я уважаю ваш траур...

- О трауре нет и речи, - перебила она. - На кладбище я поехала только по вашей просьбе... Теперь, когда его наконец похоронили, а я присутствовала при этом, вы довольны?..

- Вы его, кажется, ненавидите...

- Это правда.

Они прошли в соседнюю комнату, где на столе лежало платье, сколотое булавками.

- Из-за его любовницы?

Она пожала плечами, как будто вопрос показался ей нелепым.

- Послушайте, господин комиссар... Наверное, лучше мне сказать вам откровенно... Несколько лет Марсель был превосходным человеком, добросовестным работником и прекрасным мужем. Он, считай, и из дому-то не выходил без меня и дочки... А потом, в один прекрасный день, все переменялось... Чуть не каждый вечер он отсутствовал и даже не трудился придумать оправдание...

Просто уходил... И возвращался поздно, после полуночи...

- И тогда вы стали за ним следить?

- Так поступила бы любая женщина, разве не так?

Любила она его хоть когда-нибудь? Трудно сказать. Он был спутником ее жизни, добытчиком хлеба для семьи.

Но испытывала ли она к нему нежность?

- Да, я за ними следила. Конечно, он гулял не один.

Они напоминали влюбленных подростков, которые все время хихикают и восторгаются уже тому, что находятся вместе... Его подружке было не больше двадцати, а ему уже тридцать пять.

Очевидно, он даже не понимал, насколько смешон. Он обнимал ее за талию. Бывало, они принимались танцевать прямо на тротуаре, потом целовались и хохотали. Знаете почему? Потому что еще раз поцеловались под уличным фонарем.

Однажды я вошла в кинотеатр следом за ними, и они вели себя там так разнузданно, как только можно. А потом пошли выпить стаканчик в соседнюю пивную.

- В "Сирано"?

- Вы в курсе?

- Очевидно, это происходило в январе или феврале сорок шестого.

- Да, в январе... Он только что бросил меня... Но я следила за ним и тогда, когда он еще жил здесь...

- Вы ни разу не заговаривали с ним об этом?

- Нет... Мне нечего было ему сказать... Не могла же я вернуть его силой, правда?... К тому же он стал совсем другим человеком, я даже не подозревала, что он может быть таким...

- Он жил в отеле "Морван"?

- Откуда вы знаете?

- А в июне переехал в отель "Жонар", площадь Дез-Аббесс...

- Тут я потеряла его из виду.

- Его подруга не жила с ним.

- У нее была квартира на бульваре Рошешуар, которую она получила в наследство от матери, умершей годом раньше...

- Вы знаете имя этой девушки?

- Да. Спросила у консьержки. Ее зовут Нина Лассав...

- Вы видели ее в последние двадцать лет?

- Нет.

- Никогда не заходили на бульвар Рошешуар, чтобы узнать, что с ней стало?

- Тем более... Я начала работать...

Она говорила это суровым, холодным голосом, без малейшего следа эмоций.

- Вы знаете номер дома на бульваре Рошешуар?

- Нет... Это недалеко от площади Пигаль... С одной стороны аптека, а с другой - булочная-кондитерская...

- Вас не удивило, что муж стал клошаром?

- Во всяком случае, это доказывает, что он уже не был с ней. Когда он появился в районе рынка?

- Минимум пятнадцать лет назад, возможно, и раньше...

- Так ему и надо...

Мегрэ пришлось сдерживаться, чтобы не улыбнуться.

Ее буквально распирало от ненависти.

- Спасибо, что согласились принять меня.

Теперь, когда вам известны мои чувства, может быть, вы оставите меня в покое?..

- Я постараюсь беспокоить вас как можно меньше...

Вы сказали - Нина Лассав, не так ли? Вы не знаете, она работала?

- В начале их связи еще работала. В магазине женского нижнего белья на улице Лепик. Но скоро бросила профессию продавщицы, потому что нашла более легкий источник дохода...

- Спасибо, мадам...

Мегрэ почти церемонно поклонился ей и оставил наедине со сто раз пережеванными обидами.

Торранс читал дневной выпуск газеты.

- Поехали на улицу Лепик.

- К его мастерской?

- Нет. Найдете магазин женского нижнего белья...

Мне кажется, я видел его в конце улицы...

Витрина была узкой. Стоявшая за прилавком высохшая старая дева складывала комбинации. Она удивилась, увидев, что в магазин входит одинокий мужчина.

- Чем могу служить?

- Я комиссар уголовной полиции... Разыскиваю женщину, которая здесь когда-то работала... Как долго вы держите этот магазин?

- Сорок лет, месье...

- Значит, вы уже были здесь в сорок пятом и в сорок шестом?

- В своей жизни я брала отпуск лишь трижды. Раньше мы работали вместе с сестрой, но в прошлом году она умерла.

- Вы помните некую Нину Лассав?

- Она работала у меня два года. Когда поступала на работу, ей было всего восемнадцать, такая свежая, такая хорошенькая...

- Вы на нее не жаловались как на работницу?

- В последнее время ее поведение доставляло мне заботы. Я заметила, что в конце рабочего дня на противоположной стороне улицы ее стал дожидаться мужчина намного старше ее.

Продолжалось это месяца два, а потом она мне сказала, что увольняется. "Выходите замуж?" - спросила я. А она расхохоталась, как будто я сказала что-то смешное.

- После этого вы ее видели?

- Нет. И не знаю, что с ней стало. Боюсь, она плохо кончила. Однако, повторяю вам, когда она поступала ко мне на работу, была такой свежей и милой...

Мегрэ поблагодарил и вернулся в полицейскую машину.

- Вы заинтересовались дамским нижним бельем?

- Я наконец-то узнал фамилию любовницы Вивьена... Двадцать лет тому назад она работала в этом магазине... Теперь поехали к ее дому, надо узнать, живет ли она там по-прежнему. Возможно, живет, потому что квартиру она унаследовала от матери...

- Адрес?

- Бульвар Рошешуар... Недалеко от Пигаль... С одной стороны аптека, с другой - булочная-кондитерская...

- Понял!.. Это хозяйка бельевого магазина вам дала адрес?

- Нет, мадам Вивьен... Буквально выплюнула его мне в лицо... Никогда не видел такой ненависти, какая была в глазах этой женщины, когда она говорила о своем муже и его любовнице...

Улицы и бульвары были спокойными. Сначала они заметили аптеку, потом булочную. Между ними была покрашенная в коричневый цвет боковая дверь, в которой имелась еще одна, более маленькая, эта была открыта.

За ней был вымощенный камнем дворик и великолепная липа.

Мегрэ постучал в дверь комнаты консьержки. Ему открыла миловидная молодая женщина в белом фартучке.

- Вам кого?

- Учитывая вашу молодость, полагаю, вы здесь работаете недавно.

- Как-никак пять лет.

- У вас, случайно, нет жилицы по имени Нина Лассав?

- Никогда не слышала этого имени.

- А фамилию Вивьен?

- Человек, которого застрелили возле Центрального рынка? Я читала газеты за последние дни.

- Вы знаете, что стало с прежней консьержкой?

- Вернулась доживать в родные края, это где-то под Сансерром. У нее сын занимается виноделием...

- Вы знаете ее имя?

- Погодите... Я ведь ее немного знала... Мишу...

Точно... Легко запоминающаяся фамилия... Клемантин Мишу.

- Благодарю вас. - И Мегрэ обратился к Торрансу:

- Возвращаемся на Набережную.

- И даже по стаканчику пивка не пропустим?

Они выпили по стакану пива в баре на улице Нотр-Дам-де-Лоретт. Мегрэ увидел некоторый просвет в деле.

Теперь, зная имя молодой женщины, он, очевидно, быстро ее отыщет.

- Когда вернемся на Набережную, сходи в Картотеку и посмотри, есть ли у нас что на некую Нину Лассав... Если нет, обратись на всякий случай в бригаду нравов. Никогда не знаешь...

- Понял.

В очередной раз войдя в кабинет, Мегрэ начал с того, что снял пиджак и набил трубку, стоя перед окном. Несмотря ни на что, он не был полностью удовлетворен, а мадам Мегрэ утверждала, что он нервничает.

Это была правда. Он старался вести расследование как можно лучше, копая одновременно и в настоящем, и в прошлом. Получил ценные результаты, но ему казалось, что он упустил нечто важное. Что? Он никак не мог понять - что именно, и это вызывало неприятное ощущение.

- Соедините меня с отделением жандармерии в Сансерре, мадемуазель... Если начальник у себя, я буду разговаривать с ним... А если нет, соедините с дежурным...

Комиссар принялся расхаживать взад-вперед. Через пару недель, убеждал он себя, дело, вероятно, будет закрыто, и он сможет вместе с женой отдохнуть в их домике в Мён-сюр-Луар. А это не так далеко от Сансерра.

- Алло, да... Начальник Сансеррского отделения жандармерии? Говорит комиссар Мегрэ из уголовной полиции Парижа.... Простите, что беспокою вас ради простой справки, но эти сведения могут иметь большое значение. В вашем городе живет винодел по фамилии Мишу...

- У нас два Мишу. Самое смешное, что они даже не родственники...

- С тем, который нужен мне, ©коло пяти лет живет мать, долго работавшая в Париже консьержкой...

- Да, Клемантин Мишу...

- Она по-прежнему живет у сына?

- Умерла в прошлом году...

Опять одно и то же: шаг вперед, два шага назад.

- Вы не хотите поговорить с ее сыном?

- Нет. Ответить на мои вопросы могла только она.

Речь идет о деле, начавшемся двадцать лет назад...

- В таком случае догадываюсь... Дело Вивьена, верно?.. Как оно продвигается?

- Плохо... Особенно теперь... Я рассчитывал на мадам Мишу, а она умерла год назад...

Благодарю вас, аджудан... {воинское звание в Вооруженных силах и Национальной жандармерии Франции, приблизительно соответствующее нашему званию "старшина"} Как урожай в этом году?..

- Сбор еще продолжается, но урожай обещает стать великолепным...

- Желаю вам, чтобы так оно и было... Спасибо...

Мегрэ сел за стол. По телефону он разговаривал стоя, глядя в окно. Его буквально зачаровал черно-красный буксир, тащивший за собой четыре баржи.

- Я из Картотеки, патрон...

- Пусто?

- На это имя никакого досье, ребята из бригады нравов о ней никогда не слышали...

Зазвонил телефон.

- Какой-то человек хочет поговорить с вами, но не называет своего имени, господин комиссар.

- Соедините...

Он услышал приглушенный голос. Очевидно, звонивший разговаривал через носовой платок, чтобы не быть узнанным.

- Хотите наводку, месье Мегрэ?

- На что?

- По делу, интересующему вас в данный момент.

Хорошенько запишите фамилию, которую я вам назову: Маоссье... Это все... Теперь играть вам... - И мужчина положил трубку.

Глава 5

- Торранс! Принеси мне из кабинета инспекторов телефонную книгу...

Мегрэ стал искать Маоссье. Он даже не предполагал, что в Париже окажется одиннадцать человек с такой фамилией. О котором же из них говорил аноним?

Мегрэ начал обзванивать всех, заранее предупредив телефонистку, что ему предстоит сделать несколько телефонных звонков.

Он позвонил первому Маоссье, возле фамилии которого в справочнике не стояло указание профессии, но никто не ответил, и он перешел ко второму.

Затем он попал на хозяйку цветочного магазина в Пасси.

- Ваш муж дома?

- У меня больше нет мужа. Я развелась пять лет назад.

Следующий номер не отвечал. Конечно, ведь большинство парижан уехали в отпуск.

Затем он поговорил с курсами стенографии и машинописи на бульваре Вольтер.

Еще один номер не ответил. Уже четвертый. Он обзвонил семь, и Торранс, стоявший возле окна, восхищался терпением комиссара.

Мегрэ не стал звонить по следующему номеру, принадлежащему врачу с площади Вогезов, затем попал в предприятие по покраске фасадов зданий на авеню Трюден.

- Алло! Вам кого?

- Месье Маоссье, пожалуйста.

- Месье Маоссье вчера уехал в Ла-Боль.

- И надолго?

- Минимум на три недели. Может быть, на четыре.

Кто его спрашивает?

- Это домашний номер?

- Нет. Здесь офис и мастерские. Месье и мадам Маоссье проживают на улице Тюрбиго.

- В Ла-Боле у них вилла?

- Да. "Зонтичные сосны". Они ездят туда уже лет десять.

Авеню Трюден возвращала его на Монмартр. А улица Тюрбиго в двух шагах от Центрального рынка.

Он вновь принялся расхаживать по кабинету. Ему было страшновато показаться смешным даже Торрансу. Не слишком ли большое значение он придавал анонимному звонку?

- Позвони в "Эр-Энтер". Спроси, есть ли завтра рейс на Ла-Боль и можно ли вернуться завтра же обратно.

Торранс ушел в соседний кабинет звонить и вернулся через несколько минут.

- Есть самолет в десять десять, а обратный рейс из Ла-Боля в восемнадцать тридцать. Вам забронировать место?

- Да, пожалуйста...

Маоссье... Маоссье... Мегрэ повторял эту фамилию, напрягая память почти до боли. Он ее знал. Быть может, слышал прежде, быть может, читал на вывеске.

Он пошел к следователю.

- Есть что-то новое, месье Мегрэ? - вежливо спросил молодой Кассюр.

- Очень мало, если не считать, что теперь я знаю имя и прежний адрес женщины, ради которой Вивьен бросил жену и дочь.

- Что с ней стало?

- В доме новая консьержка, а старая умерла. Старшему из жильцов нет и сорока.

Комиссар секунду поколебался, потом набрался храбрости.

- Я только что получил анонимный телефонный звонок...

- Чокнутый?

- Не знаю. Это шанс, который надо использовать.

Мне рассказали о некоем Маоссье. В телефонном справочнике одиннадцать человек с такой фамилией. Семь в отпуске. Из четверых оставшихся в роли возможного подозреваемого я вижу лишь одного: владельца покрасочного предприятия.

- Собираетесь с ним встретиться?

- С вашего разрешения. Вчера он вместе с женой уехал в Ла-Боль, где у него вилла. Вернется не раньше чем через три недели. У меня нет никаких доказательств его причастности к нашему делу, но, сам не знаю почему, я успокоюсь лишь после того, как увижу его и поговорю с ним.

- Вы хотите отправиться в Ла-Боль?

- Туда есть утренний рейс "Эр-Энтер" и обратный в Париж во второй половине дня.

- Расследование возглавляете вы...

- Благодарю вас. Возможно, мне следует взять официальное следственное поручение на случай, если наткнусь на зануду...

Следователь Кассюр немедленно выписал нужную бумагу.

- Удачи, Мегрэ.

Комиссар вернулся домой рано, поужинал холодным мясом, сыром и салатом, а потом весь вечер смотрел телевизор, произнося время от времени словно заклинание:

- Маоссье... Маоссье...

Но конкретных ассоциаций эта фамилия не вызывала.

- Кстати, - сообщил он жене, - завтра я не приду обедать.

- Много работы?

- Нет, просто надо слетать в Ла-Боль.

- В Ла-Боль?

- Да. Там находится один человек, которого мне нужно повидать. Туда и обратно на самолете. Вернусь к половине девятого.

Мегрэ по опыту знал, что многих преступников арестовывают благодаря анонимным телефонным звонкам или осведомителям. Когда он встал, солнце сияло уже высоко, яркое, как и накануне, и ни малейшего ветерка. Он был этим доволен, потому что не очень любил самолеты, где всегда испытывал неприятное ощущение, будто перегородки давят на него.

- До вечера.

- Возможно, ты даже успеешь искупнуться в море, - пошутила жена.

Она намекала на то, что Мегрэ не умел плавать. Это была одна из причин, по которой они никогда не ездили в отпуск на море. Только в деревню.

Самолет - маленький, двухмоторный - рядом с огромными трансатлантическими лайнерами казался игрушкой. В нем было всего восемь мест. Мегрэ рассеянно оглядел попутчиков. Среди них было двое детей, которые никак не могли усидеть на месте и все время болтали.

Мегрэ попытался подремать, но не получилось. Наконец, после двухчасового полета, самолет приземлился на аэродроме Ла-Боля. При заходе на посадку показалось сверкавшее под солнцем море, а на нем - корабль, уходивший к горизонту.

Комиссар нашел такси и спросил водителя:

- Знаете виллу "Зонтичные сосны"?

- Адреса нет?

- Нет.

- Ну хоть знаете, кому она принадлежит?

- Да. Маоссье... Луи Маоссье...

- Подождите минутку.

Таксист направился в маленький бар заглянуть в телефонную книгу города.

- Нашел! - объявил он, вернувшись.

- Далеко отсюда?

- За отелем "Эрмитаж"...

В курортном городке обстановка была совсем другой, нежели в столице. Мужчины ходили в шортах и в распахнутых на груди рубашках. Вдоль растянувшегося на много километров пляжа стояли ряды зонтиков, тысячи отпускников жарились на солнышке и купались.

Вилла была большой, стояла в стороне от шоссе, к ней вела тенистая дорожка.

Мегрэ поискал кнопку звонка, но не нашел. Сквозь приоткрытую белую дверь на террасе виднелись стол и садовые кресла.

Он приоткрыл дверь чуть шире и позвал:

- Есть тут кто-нибудь?

Ответили не сразу. Лишь после третьего восклицания из полумрака коридора вышла молоденькая горничная в белом переднике.

- Что вы хотите?

- Мне нужно поговорить с месье Маоссье.

- В это время месье и мадам на пляже. Приходите после обеда...

- Лучше я встречу с ними сейчас, на пляже.

- Вы знаете их в лицо?

- Нет.

- В конце первой улицы слева будет каменная лестница, ведущая к пляжу. Их кабинка четвертая... На ней номер двадцать четыре, написанный прямо на парусине...

- А вы не могли бы показать мне ваших хозяев?

- Я не могу оставить дом без присмотра.

- Сколько лет месье Маоссье?

- Точно не знаю. Я ведь у них работаю только во время отпуска. Лет пятьдесят.

- Каков он из себя?

- Еще красивый мужчина, очень высокий, очень худой, волосы на висках с проседью...

- А мадам Маоссье?

- Она намного его моложе. Я бы дала ей максимум сорок лет.

- Какой номер кабинки, вы сказали?

- Двадцать четвертый.

Мимо проходили целые семейства в купальниках, у некоторых отдыхающих кожа обгорела на солнце.

Мегрэ нашел путь к пляжу и стал пробираться между лежащими на песке. Он без труда нашел оранжевую кабинку с цифрой 24.

У входа лежала на животе женщина, чье лицо не было видно. Ее спина, натертая лосьоном для загара, блестела.

Мегрэ посмотрел по сторонам, ища мужчину, подходящего под описание Луи Маоссье. Неподалеку от того места, где море лениво лизало берег, десятка два мужчин занимались физкультурой под руководством инструктора. Один был выше и худее остальных. Маоссье?

Мегрэ не стал прерывать урок и остался стоять меньше чем в метре от женщины из двадцать четвертой. Чувствовала ли она его присутствие? Она подняла лифчик открытого купальника и перевернулась на бок.

Она удивилась, увидев возле себя мужчину в городском костюме. Мегрэ определенно был единственным на пляже человеком, одетым подобным образом.

- Вы что-то ищете? - спросила она наконец.

Ее лицо лоснилось от масла и крема. Она была в хорошем теле и казалась добродушной и приветливой.

- Мадам Маоссье?

- Да. Откуда вы меня знаете?

- Номер кабинки мне сказала ваша горничная. Я хотел бы поговорить с вашим мужем...

- Вам придется подождать... Который час?

- Почти половина первого...

- Через несколько минут его урок физкультуры закончится...

- Он самый высокий, верно?

- Да. Третий справа... Хотя он такой тощий, что нет и грамма жира, все равно, как только мы приезжаем в Ла-Боль, никогда не пропускает тренировки.

Она рассматривала Мегрэ с любопытством, но не решалась задавать ему слишком прямые вопросы.

- Вы приехали сегодня утром?

- Да.

- На машине?

- Прилетел на самолете.

- Мы бы тоже летали самолетом, если бы здесь не была нужна машина. Вы остановились в "Эрмитаже"?

- Я не останавливался ни в какой гостинице, потому что сегодня днем возвращаюсь в Париж.

Занятия физкультурой закончились, и высокий худой мужчина зашагал к полотняной кабинке. Увидев Мегрэ, разговаривающего с его женой, он нахмурил брови.

- Этот господин прилетел сегодня утром из Парижа, чтобы поговорить с тобой. И после обеда улетает обратно.

Маоссье это явно не понравилось.

- Месье?..

- Мегрэ, уголовная полиция.

- Вы хотели поговорить со мной?

- Да, я хотел задать вам несколько вопросов...

Маоссье подходил под описание человека, вышедшего из "Фарамона" и смотревшего на Вивьена, разгружавшего овощи. Затем он появился в тупике Вью-Фур и вошел в дом, в котором нашел себе убежище клошар.

- Вы владеете предприятием, занимающимся малярными работами?

- Совершенно верно...

Начавшийся разговор казался странным из-за окружающего фона: пляжной толчеи, детских криков, наконец, из-за того, что собеседник комиссара был в одних плавках.

- Долго?

- Лет пятнадцать.

- А до того?

- Работал на хозяина.

- Тоже на Монмартре?

- Чем вызваны ваши вопросы, комиссар? Я в отпуске и не понимаю, по какому праву вы меня беспокоите.

Мегрэ предъявил ему следственное поручение, текст которого Маоссье внимательно прочитал.

- Ну и что это означает?

- Несколько дней назад вы ужинали в районе Центрального рынка, в "Фарамоне"...

Он посмотрел на жену, как будто прося ее освежить его память.

- Это было в тот вечер, когда к нам приезжала моя мать. Поскольку ты ее терпеть не можешь, я решил поужинать в городе...

- А что вы делали потом?

- Прогулялся пешком и вернулся домой...

Мегрэ увидел, как у жены Маоссье слегка покраснели щеки. Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но промолчала.

- Вы действительно вернулись домой. Ненадолго... - И, пристально глядя на собеседника, Мегрэ спросил в лоб:

- Какого калибра ваш пистолет?

- У меня нет пистолета.

- Будьте внимательны, месье Маоссье. Предупреждаю: ложь обернется против вас. Если вы не будете отвечать мне откровенно, я попрошу у следователя ордер на обыск вашей мастерской, равно как и квартиры на улице Тюрбиго.

Жена Маоссье изумленно уставилась на мужа. А сам он смотрел сурово и, казалось, готов был броситься на комиссара.

- У меня действительно был старый пистолет, но он, наверное, совсем проржавел, к тому же я даже не помню, куда его засунул.

- Тридцать второй калибр?

- Полагаю. Я не разбираюсь в оружии.

- Жаль, что вы не знаете, куда его засунули. Иначе могли бы поручить кому-нибудь из прислуги передать его мне.

- Будьте любезны сказать мне, к чему все эти расспросы.

- Дело серьезное, месье Маоссье. Речь идет об убийстве. Когда я найду оружие, через несколько часов отдел баллистической экспертизы ответит мне, причастны вы к этому преступлению или нет.

- Делайте что хотите. Я больше не стану отвечать на ваши дурацкие вопросы.

Он пожал руку проходившему мимо толстяку в плавках, который растянулся на песочке через три палатки от двадцать четвертой.

- Двадцать лет назад вы познакомились с молодой женщиной по имени Нина Лассав, не так ли? Потом через нее познакомились с Марселем Вивьеном...

- С клошаром с рынка?

- В то время он не был клошаром, а работал краснодеревщиком и имел мастерскую на улице Лепик...

- Предполагается, что я его знал?

- Да.

- Сожалею, что приходится вас разочаровывать, но я не знаком с этими людьми.

- И бульвар Рошешуар вам тоже не знаком?

Мегрэ впервые вел допрос на пляже. Жена Маоссье приподнялась на локте и с интересом следила за их разговором.

- Разумеется, как и всякий парижанин, я знаю бульвар Рошешуар.

- Где вы жили в сорок шестом году?

- Столько лет прошло... В те времена я часто менял адреса. Жил в основном в маленьких гостиницах.

- На Монмартре?

- Верно. У моего хозяина было дело в этом квартале.

- В отеле "Морван"?

- Не помню.

- В отеле "Жонар" на площади Дез-Аббесс?

- Может быть.

- А в те времена вы не обедали в "Гурмане" на улице Данкур. Папаша Бутан еще жив и может вас узнать - у него отличная память.

- Не понимаю.

- Вы не знаете этот ресторан?

- Возможно, я там обедал или ужинал разок-другой.

У вас есть еще вопросы ко мне?

- Осталось совсем немного. Тем более, что я постоянно получаю уклончивые ответы. Но вы все же могли бы мне сказать, в каком году женились?

- В пятьдесят пятом.

- К тому времени вы порвали с Ниной?

- Вы бредите, комиссар.

- Не припомнили, куда подевали пистолет?

- Я даже не уверен, по-прежнему ли он у меня.

- Когда вы его купили?

- Я его не покупал. Мне его отдал один из моих рабочих. У него двое детей, и он не хотел держать оружие дома.

- Этот рабочий по-прежнему служит у вас?

- Да.

- И зовут его?..

- Оскар Резон. Вы найдете его на авеню Трюден. Он один из первых, кто поступил ко мне. Надеюсь, вы исчерпали свои вопросы?

- Да. Благодарю вас за помощь. Простите, мадам, что помешал вашей солнечной ванне. Она не ответила, но вопросительно посмотрела на мужа.

На боковой улочке Мегрэ нашел итальянский ресторанчик, где при виде печи ему пришло в голову съесть пиццу. А ожидая, пока ее приготовят, он заказал дары моря и бутылку мюскаде, потому что полубутылочек не было.

Мегрэ был серьезен и спокоен. Ему казалось, что день не потерян впустую. Выпив кофе, он поехал на такси в Сен-Назер, где должен был находиться комиссариат полиции. Он обратился в мэрию, где его направили в Нант. В довольно тесном помещении сидели трое инспекторов.

Они его узнали и удивились его присутствию.

- Ла-Боль на вашей территории?

- Да, но нас туда редко вызывают, потому что там ничего не происходит. Семейный пляж...

- Я бы хотел установить круглосуточное наблюдение за одним человеком, отдыхающим там в данный момент.

Это возможно?

- Конечно возможно, но нас слишком мало...

Мегрэ показал им следственное поручение.

- Сделаем, как скажете, патрон...

Он описал им Луи Маоссье и его жену, дал их адрес.

- Если оба или один из них покинут Ла-Боль, немедленно звоните мне, даже домой... - Он продиктовал им номер телефона. - Само собой, мне хотелось бы знать, куда они направляются.

- Понятно, господин комиссар. Не хотите выпить стаканчик мюскаде?

- Только что выпил. Врач рекомендовал мне поменьше употреблять спиртного...

Мегрэ вернулся на такси в Ла-Боль. На эспланаде гуляли несколько мужчин, одетых по-городскому, неся пиджаки под мышкой. Он поступил как они.

Из Орли он отправился напрямик домой. Мадам Мегрэ ждала его на лестничной площадке. Она не удержалась от смеха:

- Что бы было, если бы ты провел на море целый месяц?

- Что ты хочешь сказать?

- Ты побыл там всего день, а уже обгорел. Посмотри в зеркало...

И верно, лицо Мегрэ покраснело. Он поспешил снять ботинки, в которые набился песок - не смог устоять перед мальчишеским желанием пройтись по пляжу, в метре от белых шапок небольших волн. Он бродил два часа в разноцветном шумном мире, стараясь по возможности избегать мячей, которые кидали дети.

- Ты ужинал?

- Перекусил в самолете. Мне надо позвонить на службу.

Его соединили с кабинетом инспекторов. Он узнал голос Жанвье и удивился:

- Ты еще там?

- Налет на почтовое отделение, полно работы. Двух основных фигурантов мы взяли, деньги вернули. Третий, тот, что стоял на стреме, еще бегаёт на воле. А как у вас, патрон?

- Результат моей поездки я узнаю через несколько дней. А пока скажи, есть два свободных инспектора для наблюдения за двумя адресами?

- Найдем, хотя народу совсем мало.

- Записывай... Авеню Трюден, возле лица "Роллен".

Там стройки и мастерские Луи Маоссье, малярные работы... Понятия не имею, что там может произойти, но мне будет спокойнее, если установить наблюдение... Второе место... Перед домом того же Маоссье, улица Тюрбиго...

В квартире в данный момент находится только старая кухарка...

- Понял... А если Маоссье появится в одном из этих мест?

- Сесть ему на хвост и фиксировать все его действия и встречи...

Мегрэ спал плохо, потому что, стоило выступить легкому поту, лицо начинало щипать. В ушах еще звучал шум моря, а пестрые краски пляжа, казалось, отпечатались на сетчатке глаз.

На следующий день он встал рано и поехал на такси на улицу Тюрбиго. Маоссье жил в одном из старинных домов, характерных для района Марэ. Дом был недавно отремонтирован и внешне выглядел богатым особняком.

- Простите, мадам... В какой квартире проживает месье Маоссье?

- Его нет... Он с женой сейчас в Ла-Боле, где у них вилла...

- Знаю. Но также знаю, что мадемуазель Берта, их кухарка, сейчас дома...

- Как вам угодно. Второй этаж, квартира справа...

Вообще-то справа или слева - без разницы: они занимают весь этаж...

Лифта не было, но лестница оказалась широкой и некрутой. Комиссар позвонил в дверь из старого навощенного дуба. Ему долго не открывали, наконец в квартире послышались мелкие шаги и дверь отворилась.

- Месье Маоссье и мадам...

- В Ла-Боле, знаю. Я пришел поговорить с вами.

- Со мной?

- Вы ведь кухарка, мадемуазель Берта?

- Входите. Не стойте на пороге.

Она проводила его в просторную гостиную, свет в которую проникал через три высоких окна. Обставлена комната была в большей или меньшей степени в том стиле, в каком был построен дом.

- Садитесь. Вы продаете пылесосы?

- Нет. Служу в уголовной полиции.

Она без смущения оглядела его с головы до ног. Чувствовалось, что она женщина не пугливая и откровенная.

- Вы, часом, не комиссар Мегрэ?

- Да.

- Занимаетесь делом того клошара... Забыла его фамилию... У меня стала плохая память на имена...

- Вивьен.

- Да. Глупая мысль - убивать клошара, вам так не кажется? Если, конечно, он не был лжеклошаром, из тех, что прячут кубышку под матрасом.

- Он был не из таких. Вчера я виделся с вашим хозяином в Ла-Боле.

- А!

- Вы были с ним знакомы до его брака?

- Я с ним познакомилась, когда он был помолвлен с мадемуазель Касгрэн. И с тех пор у них на службе.

Месье Касгрэн - нотариус на авеню Вилье. Его жена часто болеет. Служанка заботится о ней и готовит. Это месье Касгрэн настоял, чтобы я перешла на службу к его дочери, когда она вышла замуж.

- Сколько лет назад это произошло?

- Да с пятнадцать. Вся разница в том, что у них нет горничной и мне приходится заниматься всем... Хотя так говорить несправедливо... Мадам мне во всем помогает, а готовит она не хуже меня...

- Они часто бывают в свете?

- Редко. Разве что ходят в театр или кино. Принимают всего нескольких друзей, всегда одних и тех же.

- Они ладят между собой?

- Не ссорятся по пустякам, если вы именно это имеете в виду.

- Как вы думаете, они по-прежнему любят друг друга?

Она промолчала.

- У месье Маоссье есть любовница?

- Не знаю. Он мне не докладывает.

- Бывает, что он уходит из дому один и возвращается поздно?

- Никогда... Вернее, однажды было. На прошлой неделе... Около одиннадцати часов, когда мадам пошла провожать свою мать, которая здесь ужинала, он пулей влетел сюда, бросился в свою спальню, а потом убежал так же быстро, как и прибежал... Когда мадам вернулась, она не стала его ждать, а легла спать. Не знаю, слышала ли она, как он вошел, потому что он старался вести себя как можно тише... Лично я знаю одно: было четвертый час утра...

- Они давно спят в разных спальнях?

- С первых же месяцев. Месье встает очень рано и отправляется на свои стройки. Мадам приходилось бы просыпаться вместе с ним, а она любит поваляться в постели чуть не до полудня...

Достаточно было взглянуть на кухарку, когда она говорила о Маоссье, чтобы понять: она его не любит, а вот о хозяйке говорила с неподдельным обожанием.

- Сколько ей было лет, когда она вышла замуж?

- За месяц до того исполнилось двадцать лет.

- Вы знаете, где они познакомились?

- Нет. До замужества она часто выходила в свет, теперь ведь девушки не нуждаются в сопровождающих...

- Она счастлива?

Новое красноречивое молчание.

- Она разочарована своим браком?

- Она не из тех женщин, что любят поплакаться или демонстрируют тоску. Она принимает жизнь такой, какая она есть...

Мегрэ заметил на пианино фотографию четы. У Луи Маоссье на ней были усы, которых сейчас он не носил.

А у молодой женщины вьющиеся белокурые волосы.

Кухарка проследила за взглядом Мегрэ и вдруг спросила:

- Что он сделал?

- Почему вы спрашиваете? Он не обязательно должен был что-то сделать.

- Если бы он не был ни в чем виноват, вы бы сюда не пришли. Когда такой человек, как вы, приходит лично...

- Вы можете проводить меня в его спальню?

- Если он узнает, придет в ярость, но мне все равно.

Я его не боюсь.

Они миновали столовую, потом прошли по коридору.

- Здесь, - сказала кухарка, открывая дверь, - спальня мадам...

Комната была веселой, выдержанной в светло-серых тонах с легкой примесью голубого. Ноги утопали в белом ковре.

В сравнении с ней спальня Маоссье была более строгой, но тоже обставлена со вкусом.

- Кто выбирал обои и мебель?

- Мадам. Она прослушала в Лувре курсы истории искусств, а также ходила в школу декоративного искусства.

- Это она играет на пианино?

- Да. Но только когда остается одна.

Спальня хозяина дома была в бежево-коричневых тонах.

- Скажите, у Маоссье есть пистолет?

- Да. Я видела его пару недель назад.

- Это оружие с барабаном?

- Вы хотите сказать, с таким цилиндром, куда вставляют патроны?

- Да.

- Нет. Плоский револьвер.

- Это называется пистолет.

- Смотрите сами.

Она подошла к ночному столику, открыла верхний ящик, и на ее лице отразилось изумление.

- Его там нет.

- Он не мог взять с собой оружие в Ла-Боль?

- Конечно нет. Я сама собирала их багаж.

- Возможно, он переложил его в другое место?

Кухарка открыла два остальных ящика, где лежали ключи, перочинный ножик, членские билеты различных обществ.

- С тех пор, как я служу в этом доме, пистолет всегда лежал в этом ящике.

- И вы видели его пару недель назад?.. В ящике были патроны?

- Целая коробка. Она тоже пропала.

Кухарка принялась рыться в шкафах, в ящиках комода, заглянула даже в ванную.

Когда она снова посмотрела на Мегрэ, ее лицо было серьезным и немного бледным.

- Я, кажется, начинаю догадываться, почему вы здесь...

- Это вас удивляет?

- Немного. Причина, которую я вам назову, покажется смешной. Он не любит животных. Не хочет держать в доме ни собаку, ни кошку. У мадам был кокер, который скрашивал ей одиночество, так он заставил ее избавиться от собаки...

- Думаю, в ближайшие несколько дней вам лучше не покидать Париж. Возможно, вы мне скоро понадобится.

- Я буду здесь. - И через секунду, провожая его в гостиную:

- Вы видели в Ла-Боле мадам?

- Да.

- Спорю, она загорала.

- Совершенно верно.

- На море она целыми днями лежит на солнышке.

Она ездила в Ла-Боль еще с родителями, когда была ребенком...

- Они не хотят детей?

- Они со мной не откровенничали. Но я думаю, хотят.

- Благодарю вас, мадемуазель Берта. Вы мне очень помогли...

- Я делала все возможное, чтобы помочь вам...

Мегрэ не стал добавлять: "И чтобы поставить вашего хозяина в неприятное положение".

Он вернулся на набережную Орфевр на такси. Торранс сообщил, что был звонок из Нанта и что на вилле "Зонтичные сосны" не происходит ничего особенного.

Спрашивали, продолжать ли наблюдение.

Позвоните им и скажите, чтобы продолжали.

Ты отправил людей по адресам, которые я указал? - спросил он Жанвье, сидевшего за своим рабочим столом.

Жанвье был единственным, к кому он постоянно обращался на "ты". Часто "тыкал" он и молодому Лапуэнту, недавно пришедшему в бригаду. А к остальным обычно обращался на "вы", переходя на "ты" лишь в минуты рассеянности или в пылу дела.

- Кого ты послал на улицу Тюрбиго? Молодчина!

Очень хорошо замаскировался, потому что я его не заметил, когда проезжал мимо. Правда, как раз напротив здания находится бистро...

- Там Барон... А Неве на Монмартре...

Мегрэ направился в крыло, где находилось следственное управление, и постучал в дверь кабинета Кассюра.

Тот крикнул: "Входите".

- Есть новости?

- В некотором смысле... Думаю, стоит выдать постановление о задержании одного человека.

- Рассказывайте...

И Мегрэ, сев на неудобный стул, начал рассказывать ему о своих действиях за последние два дня.

- Я вовсе не уверен, что Маоссье - убийца Вивьена, но думаю, против него уже достаточно улик, чтобы допросить его серьезно и не на пляже...

- Я тоже так думаю... Как вы собираетесь за это взяться? Пошлете за ним двух ваших людей или обратитесь в местную жандармерию?

- Пошлю своих людей, если найду свободных... У нас вечно нехватка кадров, знали бы это преступники, непременно воспользовались бы...

- Я подписываю вам ордер...

Он заполнил хорошо знакомый Мегрэ бланк.

- Имя?

- Луи.

- Маоссье пишется с двумя "с"?

- Спасибо, господин следователь...

- Вы побывали на авеню Трюден?

- Собираюсь отправиться туда завтра...

Мегрэ вернулся к Жанвье.

- Мне необходимы два человека.

Бедняга Жанвье схватился за голову:

- Надолго?

- Слетать за одним человеком в Ла-Боль.

Он посмотрел Мегрэ в лицо, и они поняли друг друга.

- Понимаю! Берите Верана и Лубе...

Мегрэ увел обоих в свой кабинет, дал им инструкции и вручил постановление.

- Самолет через час... Можете им воспользоваться, но я предпочитаю, чтобы вернулись вы поездом.

- Надеть на него наручники?

- Если он попытается скрыться - да. В противном случае мне это кажется излишним.

Он вызвал Торранса.

- Пошли, водитель...

Верно, в последние дни Торранс только этим и занимался.

- Авеню Трюден... Напротив лица "Роллен"...

- Арестовываете его?

- Взятие под надзор. А после того, как я допрошу его поосновательнее, чем на пляже, будет видно...

Большой двор был загроможден стремянками, сарай забит огромными флягами с краской. На эмалированной табличке значилось: "Контора", и Мегрэ пошел туда, куда указывала стрелка.

В конторе была всего одна комната, правда довольно большая, где сидел, склонившись над счетами, человек с лицом зануды.

- Комиссар Мегрэ.

- Вы хотите поговорить со мной?

- Как вас зовут?

- Ванье. Жерар Ванье. И я не вижу причин, по которым полиция...

- Речь идет не о вас.

- Об одном из наших рабочих? Они все на объектах. Все люди серьезные, работают на фирме по многу лет...

- Кабинет слева принадлежит вашему хозяину?

- Да. Но он редко там бывает - все время то на одной стройке, то на другой.

- Дело процветает?

- Не жалуемся.

- Вы компаньон?

- Увы, нет! Всего лишь бухгалтер.

- Когда была основана фирма?

- Этого я не знаю. Мне известно, что в сорок седьмом ее владелец обанкротился. Правда, он большую часть времени проводил по разным бистро, швырял деньги налево и направо... Месье Маоссье взял дело в свои руки и сменил весь персонал...

- А вы?

- Сначала бухгалтер работал два дня в неделю. Потом дело расширилось, и в конце сорок восьмого меня наняли на полную ставку.

- Он много работает?

- Вникает во все мелочи. Едва успевает поесть.

- Как он держится с рабочими?

- Очень дружелюбно, но есть грань, через которую переступать не стоит, и они ее знают.

- Сколько на фирме рабочих?

- В данный момент - восемь, считая ученика.

- Вы видели в конторе пистолет?

- Пистолет? Нет. Зачем нам пистолет? Расчеты в основном производятся чеками, мы их сразу же относим в банк, который находится неподалеку.

- Вы позволите?

К огромному возмущению маленького человечка, комиссар направился к кабинету Маоссье и выдвинул один за другим все ящики стола. Оружия нигде не было.

- На каком основании вы здесь?

- По необходимости расследования.

- Когда месье Маоссье узнает...

- Я виделся с ним вчера.

- Вы ездили в Ла-Боль?

- Да, и самое позднее завтра утром он будет в Париже.

- Он собирался вернуться только через три недели, а то и через месяц...

- Я попросил его изменить планы.

- И он не возражал? - Маленький месье Ванье был возмущен и напоминал готового к бою петуха. - Хотел бы я знать, что это за история...

- Скоро узнаете.

- Лазить по ящикам, как у себя дома... Задавать дурацкие вопросы... И утверждать, что вызвали патрона из Ла-Боля...

Не сказав больше ни слова, Мегрэ вышел, оставив бухгалтера продолжать причитания.

Глава 6

Едва Мегрэ вернулся на Набережную, как ему позвонил из Ла-Боля Веран - один из двух инспекторов, которых он послал доставить Маоссье.

- Как все прошло?

- Сначала - плохо. Он начал качать права и отказался последовать за нами в Париж. Ссылаясь на высокопоставленных друзей, грозился устроить скандал.

- Как себя вела его жена?

- Удивленно слушала. Я дал ему несколько минут, чтобы выговориться, потом вынул из кармана наручники и сказал, что если он не поедет с нами добровольно, то совершит путешествие в этих браслетах. Ему в голову ударила кровь.

"Вы посмеете это сделать?"

"Да".

"Но почему, черт вас побери?"

Думаю, он в первую очередь страдал от унижения.

В конце концов он пошел с нами на вокзал. Его жена хотела поехать тоже, но он ее отговорил, заверив, что вернется через пару дней.

"Им не в чем меня обвинить, понимаешь?.. Неприятности будут у них..." - сказал он.

На следующее утро Мегрэ сел за свой стол, выбрал трубку, медленно набил ее табаком и сделал Торрансу знак сесть у края стола с блокнотом для стенографирования. Обычно он использовал для этой цели Лапуэнта, который вел протоколы допросов, потому что был лучшим стенографом в уголовной полиции, но Торранс тоже неплохо справлялся с данной задачей.

Мегрэ нажал на кнопку звонка, и Веран ввел в кабинет Маоссье, чье лицо было суровым, а взгляд уставлен в одну точку.

- Садитесь.

- Я протестую против моего ничем не обоснованного ареста и оставляю за собой право возбудить против вас дело за превышение власти, будь вы хоть сто раз Мегрэ.

Мегрэ не шелохнулся.

- Можете ли вы мне сказать, месье Маоссье, где находится ваш пистолет?

- Какой пистолет?

- Тот, который еще несколько дней назад лежал в верхнем ящике вашего ночного столика.

Тридцать второго калибра, если я не ошибаюсь.

- Я не разбираюсь в оружии и не могу указать калибр пистолета, который мне дали давным-давно.

- Где он сейчас?

- Вероятно, в ящике.

Он говорил раздраженно, а когда смотрел на комиссара, его глаза горели ненавистью. Но не было ли в его глазах также и страха?

- Пистолета в ящике нет. Что вы с ним сделали?

- В квартире я живу не один.

- Вы хотите сказать, что его могла похитить мадемуазель Берта? Не шутите, пожалуйста, это вам не поможет.

- Я не утверждал, что пистолет взяла моя кухарка...

- Может быть, ваша теща? Она была у вас в тот самый вечер, когда вы ужинали в "Фарамоне" и вернулись домой лишь в три часа утра...

- Я вернулся не в три утра.

- Хотите очную ставку со свидетелем, который вас видел и обязательно узнает?

Торранс писал так быстро, как только мог, его лоб покрылся потом.

- У меня есть свидетель, видевший, как около трех часов утра вы входили в тупик Вьо-Фур, и другой, слышавший, как через несколько минут после этого вы вернулись домой.

- И кто же это? Моя жена, может быть? - иронично спросил Маоссье.

- Будь это ваша жена, по закону она не могла бы давать показания против вас.

В отличие от собеседника Мегрэ был абсолютно спокоен.

- Значит, эта старая шлюха Берта. На том основании, что она в некотором роде вырастила мою жену, она ревнует ее ко всем окружающим, а меня просто не выносит.

- Где вы познакомились с Марселем Вивьеном?

- Не понимаю, о ком вы говорите.

- Вы не читаете газет?

- Я не интересуюсь криминальной хроникой.

- Но все же знаете, что его убили? Он спал, когда ему всадили три пули в грудь.

- Это меня касается?

- Возможно. Было бы великолепно, если бы вы нашли свой пистолет.

- Сначала я должен выяснить, кто его взял или переложил.

Этот человек был из тех, кто отрицает даже очевидные вещи. Он прикурил сигарету. Рука дрожала. Можно было подумать, что он в ярости.

- Полагаю, вы никогда не бывали в тупике Вьо-Фур?

- Даже не могу вам сказать, где он находится.

Внезапно Мегрэ сменил тему, выбив собеседника из колеи.

- Что стало с Ниной Лассав?

- Я должен ее знать? Это имя мне ничего не говорит.

- В сорок пятом и сорок шестом вы жили на Монмартре, в гостинице, в двух шагах от бульвара Рошешуар.

- Я действительно жил в этом квартале, но в каком точно году - не помню.

- А у нее была квартира на бульваре Рошешуар.

- Возможно. В такой ситуации находятся тысячи женщин. Я обязан знать их всех?

- Возможно, вы познакомились с ней и Марселем Вивьеном, ее тогдашним любовником.

Подумайте, прежде чем ответить. Вы были любовником Нины Лассав?

- Мне не надо думать. Ответ: нет. До брака у меня было немало любовниц, но эта женщина в их число не входила. И Марсея Вивьена я не знал.

- В общем, вы совершенно непричастны к этому делу?

- Абсолютно.

Он держался все более дерзко, но его нервозность возрастала, и он не мог сдерживать дрожь пальцев.

- Для того чтобы дать вам время на размышления, я отправлю вас в изолятор временного содержания.

- Не имеете права.

- Вы забыли постановление о взятии под стражу, выданное по всей форме и подписанное следователем.

- Если вы намерены продолжать меня допрашивать, я требую присутствия моего адвоката.

- Я мог бы отказать. Присутствие адвоката обязательно, лишь когда дело переходит к следователю. Но я хочу дать вам использовать все шансы. Как зовут адвоката?

- Мэтр Луазо. Проживает по адресу: бульвар Бомарше, дом тридцать восемь...

- Я сообщу ему, когда придет время.

Мегрэ встал и, тяжело ступая, подошел к открытому окну, за которым было безнадежно голубое небо.

Все, кроме тех, кто нежился на пляжах, мечтали о дожде, который никак не начинался. А температура все повышалась.

Инспектор Веран отвел Маоссье в камеру.

- Он за это еще заплатит, - процедил Маоссье вполголоса, явно имея в виду комиссара Мегрэ.

А Мегрэ в свою очередь сказал Торрансу:

- Упрям. Распечатайте ваши записи, дадим ему подписать протокол в следующий раз.

- Думаете, он действительно знал Нину Лассав?

- Возможно. Я запустил пробный шар. Кажется, он среагировал. Не ожидал, что я заговорю о ней...

Комиссар сменил трубку и взял шляпу.

- Если меня будут спрашивать - я в "Паризьен либере"...

Торранс удивленно посмотрел на него, но ничего не сказал. Мегрэ зашел в пивную "У дофины" выпить стаканчик пива, а потом поймал такси.

- В "Паризьен либере".

Он помнил, что эта газета стала выходить одной из первых после Освобождения. Самого его в сорок шестом в Париже не было. В то время он вызвал неудовольствие директора уголовной полиции, которого самого уволили через несколько месяцев. А Мегрэ перевели в Люсон, где практически никаких дел не было, и он, чтобы как-то убить время, целыми днями играл на бильярде. Он проторчал там почти год. Мадам Мегрэ тоже с трудом привыкала к Вандее.

К счастью, новый директор вызвал его в Париж. Он тогда еще не был старшим комиссаром, просто комиссаром, и не возглавлял криминальную бригаду {Отдел расследования убийств}.

Пребывание в Люсоне стало как бы дырой и в карьере, и в памяти.

- Я бы хотел поговорить с главным редактором.

- Кто спрашивает?

- Комиссар Мегрэ.

Главный редактор, незнакомый ему очень молодой человек, вышел из кабинета встретить его.

- Чему обязан честью видеть вас у нас?

- Работе, - признался Мегрэ.

- И чем же мы можем вам помочь?

- Полагаю, вы храните все номера вашей газеты.

- Разумеется. Они собраны по годам...

- Мне хотелось бы посмотреть номера за сорок пятый и сорок шестой годы...

- Пойдемте со мной...

Они прошли по лабиринту коридоров в темную комнату, где на полках стояли огромные черные папки.

- Хотите кого-нибудь в помощь?

- Не думаю, чтобы это было необходимо. Тем более, что мои поиски могут затянуться на несколько часов.

Мегрэ забыл сделать этот шаг в самом начале расследования. На секунду у него мелькнула такая мысль, но потом выскочила из головы.

- Я могу распорядиться, чтобы вам принесли пива...

В бистро напротив привыкли...

- Спасибо, я только что выпил стакан...

Оставшись один, он снял пиджак, закатал рукава рубашки и взял том с подшивкой за 1945 год.

Через час он покончил с этим годом. Разумеется, он читал только заголовки. Но ни в одном из них не упоминались Марсель Вивьен, Нина Лассав или Луи Маоссье.

Он поставил том на место и уже с тяжелой головой взялся за сорок шестой год. Главный редактор дважды заходил спросить, не нужно ли ему чего-нибудь.

- Жажда не появилась?

- Сейчас я бы с удовольствием выпил пивка.

Воздух посинел от табачного дыма. В комнате пахло старой бумагой и типографской краской.

Некоторые заголовки удивляли его. Громкие дела былых времен сейчас совсем забылись.

Январь... Февраль... Март... Апрель...

Он дошел до августа, и наконец в номере за семнадцатое ему на глаза попался заголовок: "Молодая женщина задушена на бульваре Рошешуар".

Шрифт был не очень крупным, а заметка помещена не на первой странице. Похоже, этому факту криминальной хроники не придавалось особого значения.

"Нина Лассав, 22 лет, обнаружена задушенной в своей квартире на бульваре Рошешуар. Она лежала голой на кровати. Ни в комнате, ни в квартире в целом не обнаружено следов беспорядка. Допрошенная полицией консьержка не смогла дать никаких полезных для следствия сведений.

В течение нескольких лет Нина Лассав работала продавщицей в магазине нижнего белья на улице Лепик, хозяйка которого была полностью удовлетворена ее работой.

В конце 1945 года она внезапно уволилась. В ее жизни появился мужчина, но он редко приходил к ней домой. Что же произошло в вечер ее убийства? Следствию будет трудно установить это. Консьержка - женщина довольно пожилая и не следит за тем, кто приходит в дом и из него уходит.

Расследование ведет комиссар Пьедбёф".

В следующем номере Мегрэ нашел заголовок: "Никаких подвижек в деле об убийстве на бульваре Рошешуар".

Всего в нескольких строчках сообщалось, что полиция старается побольше разузнать о личной жизни убитой.

Заключение судмедэксперта подтвердило, что смерть, используя профессиональный термин, наступила в результате strangulation. Других травм и повреждений нет.

Консьержку вновь допросили. Она сообщила, что еще довольно молодой мужчина иногда возвращался вместе с убитой и поднимался в ее квартиру, но никогда не оставался там на ночь.

Она видела его раз или два, однако вряд ли смогла бы узнать. Примерно два месяца назад в жизни Нины Лассав появился еще один мужчина. Этого консьержка описывала четче, потому что видела днем, при лучшем освещении.

Очень высокого роста, очень худой, с темными глазами. Он поднимался по лестнице бегом, перескакивая через ступеньки, а через час уходил один.

Лишь через три дня "Паризьен либере" сообщила: "Комиссар Пьедбёф допросил подозреваемого".

"В уголовной полиции окружают глубокой таинственностью следующие один за другим допросы. Полиция установила личность высокого худого мужчины, неоднократно бывавшего в квартире Нины Лассав на бульваре Рошешуар. Речь идет о некоем Луи М., маляре, проживающем в маленькой гостинице в том же районе.

Он не отрицает, что был любовником молодой женщины, но утверждает, что не видел ее в день смерти.

Консьержка в свою очередь утверждает, что находилась в тот день на лестнице и видела, как он пришел около четырех часов пополудни.

За отсутствием улик М. оставлен на свободе, но полиция продолжает расследование.

Что же касается Марселя В., краснодеревщика, который был любовником Нины Лассав в течение более чем полугода, он смог доказать, что в момент убийства находился в кафе на бульваре Ла-Шапель".

Мегрэ делал выписки в свой старый блокнот в черной обложке. Гарсон из соседней пивной принес ему стакан пива с великолепной шапкой пены. Интерес, вызванный у комиссара находкой, излечил его головную боль.

Он попытался пройти в кабинет главного редактора, но заблудился в коридорах и был вынужден спросить дорогу.

- Вы не возражаете, если я попрошу скопировать для меня несколько статей из вашего архива?

- Абсолютно не возражаю.

- Позвольте позвонить?

Трубку снял Мере.

- Местраль там?.. Пришлите его в "Паризьен либере". Пусть в редакции попросит проводить его в архив.

Я буду там.

Мегрэ вернулся на свое место и продолжил листать старые номера газет. Статьи о Нине Лассав становились все короче и появлялись все реже. Внимание всей Франции захватил крупный судебный процесс политического характера.

"Похоже, Луи М., которого, по утверждениям консьержки, она видела поднимающимся в квартиру Нины Лассав около четырех часов в день ее убийства, тоже имеет алиби. Комиссар Пьедбёф и его инспекторы продолжают расследование, но, кажется, не найдены никакие новые факты".

Это был практически некролог делу об убийстве на бульваре Рошешуар. Газета не опубликовала фотографий ни Маоссье, ни Марселя Вивьена.

Маоссье на набережной Орфевр допросили еще два или три раза. Допрашивал его и следователь Комельо, который тогда был еще жив, но никаких санкций против маляра предпринято не было.

Местраль приехал через полчаса, увешанный фотоаппаратами и вспышками.

- Много страниц снимать?

- Штук шесть довольно коротких статей.

Мегрэ наблюдал, как тот работает, указывая по мере необходимости статьи.

- Можно будет отпечатать снимки сегодня во второй половине дня?

- К четырем часам, если позволите мне пообедать.

Мегрэ пошел поблагодарить главного редактора.

- Нашли, что искали?

- Да.

- Полагаю, рассказывать об этом еще рано?

- Когда придет время, вы получите информацию первым, обещаю.

- Благодарю вас. И, надеюсь, до скорого...

Было начало первого. От улицы Ангьен до бульвара Ришар-Ленуар было всего полчаса ходьбы, и Мегрэ в хорошем настроении, рассматривая прохожих, витрины и автобусы, пошел домой. Три автобуса стояли на площади Бастилии, которую иностранные туристы фотографировали, равно как Триумфальную арку, церковь Сакре-Кёр и Эйфелеву башню. У большинства туристов был усталый вид, но они не хотели пропустить ни одну из достопримечательностей.

Входя в квартиру, он напевал.

- Мне кажется, дела пошли на лад, - заметила мадам Мегрэ, подавая закуски.

- Думаю, я хорошо поработал. Не знаю пока, что это даст, но кое-что даст. Жаль только, что один человек не сможет заговорить.

- Кто?

- Марсель Вивьен. Кстати, у меня есть одна новость, которую не вижу причин скрывать. Нина Лассав была убита в своей квартире в августе сорок шестого.

- Ее застрелили?

- Задушили.

- Ты мог бы долго ее искать!

- Да. Я допросил Маоссье. Он становится все упрямее.

Мегрэ пообедал с аппетитом. Жена приготовила ему ногу ягненка великолепного розового цвета, с капелькой крови, блестящей возле косточки.

- Великолепно, - вздохнул он, вновь берясь за мясо.

- Как думаешь, ты приближаешься к финалу?

- Пока что я ничего не могу сказать, но значительная часть пути пройдена. И знаешь, что самое смешное?

То, что я сегодня утром нашел в архивах "Паризьен либере", с еще большими деталями хранится в архиве уголовной полиции. Я просто не подумал об этом, потому что в те времена мы были в Люсоне...

- Никогда в жизни не скучала так, как там.

- А я?

- Хочешь персик? Они спелые и сочные...

- Съем с удовольствием.

Он был в мире со всем миром и с самим собой.

На этот раз Мегрэ взял такси, чтобы доехать до службы. Окна, как и в предыдущие дни, были нараспашку, и в кабинет врывались волны чуть более прохладного ветерка.

- Торранс!

- Да, патрон.

- Вы закончили распечатку протокола допроса?

- Закончил еще до полудня.

- Принесете мне копию?

Когда копия легла на его стол, он продолжил:

- Идите в архив. В делах за сорок шестой год должно быть одно по факту убийства Нины Лассав с бульвара Рошешуар...

- То-то мне показалось знакомым это имя... Теперь вспомнил... Дело вел комиссар Пьедбёф.

- Совершенно верно. Я хочу получить дело как можно скорее.

Мегрэ прочитал протокол медленно и внимательно, иногда прерываясь, чтобы подумать или раскурить трубку, вспомнить свои вопросы, которые задавал утром Маоссье, и ответы того.

Каждая фраза имела значение.

В письменном виде ответы Маоссье казались более бессвязными, чем выглядели, когда он произносил их.

Дочитав, Мегрэ остался сидеть в неподвижности, полуприкрыв глаза. Можно было подумать, что он задремал, но на самом деле его мозг был активен как никогда.

Он вновь и вновь прокручивал в голове фразы из протокола.

Мегрэ не спешил с выводами. Внезапно он решил позвонить комиссару Аскану из I округа.

- Увы, господин комиссар, мои люди ничего больше не нашли!..

- Я звоню не за этим. Если возможно, я бы хотел, чтобы вы взяли тех клошаров, которых я допрашивал в вашем кабинете. Если получится, пришлите их обоих ко мне.

- Вы рискуете подхватить блох...

- Не в первый раз. Это тоже часть нашей профессии.

- В нашем районе этого добра хоть отбавляй... К которому часу вам их доставить?

Часам к четырем, если можно.

- Постараемся... Люди, способные это сделать, как раз свободны...

Мегрэ попросил телефонистку соединить его с мэтром Луазо с бульвара Бомарше.

Скоро она перезвонила сказать, что адвоката нет в консультации и что он, очевидно, во Дворце правосудия.

- Попытайтесь найти его во Дворце...

Новые поиски заняли четверть часа. Видимо, его искали по всему Дворцу.

- Мэтр Луазо.

- Комиссар Мегрэ... Я вот по какому поводу, мэтр.

В ходе расследования дела об убийстве я получил ордер на задержание одного из ваших клиентов, Луи Маоссье...

Утром я пытался задать ему несколько вопросов, но безрезультатно... Он не желает говорить без вас, а я не вижу оснований ему отказывать... Вы могли бы прийти ко мне в кабинет к четырем часам?

- Это невозможно - в три у меня выступление в суде... Но если вас устроит пять часов...

- Договорились на пять.

Едва Мегрэ положил трубку на рычаг, Торранс принес довольно тощую папку с делом 1946 года об убийстве Нины Лассав. Сначала комиссар снял пиджак, затем раскурил новую трубку и лишь потом взялся за документы.

Первым лежало заявление консьержки в районный комиссариат о том, что, поскольку жилища не вышла из квартиры до двух часов дня, тогда как накануне вернулась рано, она постучала в дверь квартиры. Дверь была приоткрыта, и консьержка вошла.

В комнате - полный порядок. В ящиках никто не рылся. В спальне тоже все на своих местах. Бедняжка лежала на кровати совершенно голая, и изо рта у нее высовывался язык. А мертвые глаза смотрели в потолок...

Далее следовал протокол, подписанный комиссаром полиции по фамилии Майфе, выехавшим на место происшествия вместе с ажаном Пату. Он обнаружил труп в том положении, как описывала консьержка. Одежда, в том числе платье из набивной ткани, лежала на стуле, рядом с кроватью.

- Похоже, мотивом убийства было не ограбление.

Кроме того, учитывая наготу жертвы, она близко знала убийцу, поскольку даже не пыталась прикрыться и позволила ему подойти к ней вплотную...

Комиссар из районного комиссариата позвонил из спальни в уголовную полицию. Комиссар Пьедбёф сообщил, что немедленно выезжает, велел ни к чему не прикасаться и попросил позвонить в прокуратуру.

Если Мегрэ не подводила память, Пьедбёфу тогда было что-то около пятидесяти пяти. Это был хороший профессионал, который не покупался на вранье. Он был скорее грубым и легко терял терпение.

С ним выехали двое инспекторов, один из которых до сих пор работал в службе общей информации.

Рапорт Пьедбёфа был довольно длинным, к нему прилагался план квартиры.

"Вещи во всех помещениях находятся на своих местах, в сумочке убитой, лежащей на видном месте на ночном столике, мною найдены триста франков..."

Далее в деле лежал отчет прокуратуры о выезде на место происшествия - как всегда, чистая формальность.

К рапорту комиссара прилагались еще два заключения, а также несколько фотографий Нины в том виде, в каком ее нашли. Первый был составлен Мерсом. В нем говорилось, что экспертам не удалось обнаружить отпечатки пальцев. Единственные найденные в квартире отпечатки принадлежат убитой, а на дверной ручке - консьержке.

Мегрэ делал заметки.

Следующее заключение было подписано человеком, с которым Мегрэ долго работал и который, к сожалению, умер, - доктором Полем, судмедэкспертом и известным любителем вкусно поесть.

В более специальных терминах он излагал, что смерть наступила в результате удушения. На шее молодой женщины были ясно видны следы пальцев убийцы. У того были необычайно сильные руки.

Немногочисленные жильцы дома были допрошены, никто ничего не слышал. Никто не встречал на лестнице подозрительных субъектов.

" - К Нине Лассав ходило много гостей?

- Нет.

- Но ведь кого-то она принимала регулярно?

- Двух мужчин.

- Вместе?

- Нет, поврозь. Высокий приходил в середине дня...

Второй заходил за ней вечером. Они уходили вместе. Уж не знаю, где они бывали, но однажды днём, точнее, вечером видела их на террасе "Сирано"...

- Который из двоих появился раньше?

- Вечерний... А другой, наверное, месяца за два до ее смерти...

- Вы не встречали того или другого на лестнице в день убийства?..

- По правде говоря, я вообще не выходила из квартиры до шести вечера..."

Другие жильцы знали и того меньше. Один из них, пожилой холостяк, работник банка на Больших бульварах, уходил из дома в восемь утра и возвращался в девять вечера.

"Я вообще не знал о существовании этой женщины, а уж тем более о бесконечной веренице любовников, ходивших к ней..."

Маоссье нашли благодаря консьержке. Однажды днем он приезжал на фургончике с надписью "Лесаж и Жело, покрасочные работы, бульвар Батиньоль".

Новые рапорты и заключения. Любой вопрос, заданный свидетелю, становился предметом рапорта со стандартными формулировками. И разве мог Мегрэ удержаться от улыбки, перечитывая документы той поры?

"Согласно распоряжению комиссара Пьедбёфа я направился в покрасочное предприятие Лесажа и Жело, находящееся по адресу: бульвар Батиньоль, дом 25. За отсутствием месье Лесажа я смог поговорить лишь с месье Жело. На заданный мною вопрос, сколько рабочих у них занято, он ответил, что сейчас мертвый сезон и рабочих всего четверо.

Он назвал имена. Я спросил о возрасте рабочих. Троиц из четверых было более сорока лет, одному даже шестьдесят. Последнему, по имени Луи Маоссье, - двадцать шесть. Мне пришлось ждать полчаса, поскольку он выехал на стройку с материалом. Он ездил на фургончике, описание которого дала консьержка с бульвара Рошешуар.

Маоссье вел себя высокомерно. Спросил меня, по какому праву я его расспрашиваю, и стал утверждать, что не знаком с Ниной Лассав. Я пригласил его проследовать со мной на бульвар Рошешуар, где консьержка его уверенно опознала. Именно его она видела на лестнице позавчера днем, приблизительно во время убийства молодой женщины.

После этого я попросил его проследовать за мной на набережную Орфевр, где передал в руки моего начальника, комиссара Пьедбёфа".

Мегрэ стер со лба пот.

Маоссье допрашивали четыре раза, своих показаний он не менял. Он утверждал, что в тот день, во время совершения преступления, возил на фургончике бидоны с краской на улицу Курсель.

Его коллеги, принявшие краску, подтвердили его слова, однако в отношении времени были не столь категоричны.

Следователь Комельо захотел лично допросить подозреваемого.

Также допрашивали Марселя Вивьена, хозяина и гарсона кафе с бульвара Ла-Шапель.

Вивьен был подавлен. Похоже, смерть любовницы отняла у него все силы. Улик против него не было, его отпустили, и он вернулся в небольшую гостиницу на улице Дез-Аббесс, где проживал.

В отношении Маоссье расследование продолжалось долго, но за недостаточностью доказательств и его оставили в покое.

На папке не было пометки "Дело закрыто", потому что полиция никогда не закрывает дела, в которых не найдена разгадка, но фактически все обстояло именно так: дело закрыли.

- Торранс!.. Будьте любезны через четверть часа доставить ко мне из камеры Маоссье.

Сам же он успевал за это время выпить стаканчик пива "У дофины". Если мэтр Луазо окажется таким же упрямым, как его клиент, допрос обещает стать тяжелым.

Когда комиссар вернулся, Маоссье уже сидел на стуле в его кабинете, а инспектор Торранс держал наготове блокнот для стенографирования.

- Придется подождать мэтра Луазо...

Маоссье сделал вид, что не слышал этой реплики.

Мегрэ небрежно перелистывал дело, запоминая отдельные детали.

Мэтр Луазо прошел через дверь, соединяющую Дворец правосудия и уголовную полицию; он был в мантии.

- Простите, но слушание дела задержали на четверть часа...

- Садитесь, пожалуйста. Я намерен задать вашему клиенту ряд вопросов. До сих пор он все отрицал. Вы знаете, в чем обвиняется ваш клиент?

- Обвиняется! Как вы торопитесь! Полагаю, в отношении его даже не начато следствие.

- Предположим, что его подозревают в убийстве клошара Марселя Вивьена, застреленного в заброшенном доме в тупике Вьо-Фур. - Мегрэ повернулся к Маоссье:

- Сначала я намерен установить факт вашего пребывания в тот вечер в районе Центрального рынка.

- У вас есть достойные доверия свидетели?

- Вы сами их оцените...

Он послал Торранса за Тотом, которого инспектор из I округа доставил вместе с толстухой Наной. Тото, совершенно неиспуганный, как человек, привыкший иметь дело с полицией, поочередно рассматривал присутствующих. Когда его взгляд остановился на Маоссье, его лицо просветлело.

- О, а этого малого я знаю!.. Как поживаешь, корешок?.. Надеюсь, никаких неприятностей...

- Где и когда вы с ним встречались? - спросил Мегрэ.

- Да на рынке, черт побери. Я ж там торчу каждую ночь...

- Вы можете указать точное место, где находились?

- Меньше чем в десяти метрах от "Фарамона"... Смотрел, как разгружают грузовик... Там вкалывал один мой друган... Если так можно сказать, по правде говоря, он ни с кем не дружил... Вивьен была его фамилия... Он разгружал овощи, а я ждал, пока подъедет следующий грузовик, чтобы меня наняли на разгрузку...

- Что было потом?

- Дверь "Фарамона" открылась, и из ресторана вышел этот господин. Он на секунду остановился на пороге, чтобы посмотреть на ребят, занятых на разгрузке.

Я воспользовался случаем, чтобы подойти к нему и попросить денег на красненькое.. Вместо того чтобы дать мне франк, он дал пятифранковую монету, так что я смог купить целую бутылку...

- Вы раньше видели его на рынке?

- Никогда...

- А сами там бываете часто?

- Каждую ночь в течение пятнадцати лет...

- Можете задавать свидетелю вопросы, мэтр.

- В какой день произошел случай, о котором вы рассказываете?

- Думаете, я считаю дни!.. Одно знаю точно: в ту ночь, когда шлепнули Вивьена...

- Вы в этом уверены?

- Да.

- Вы не были пьяны?

- В три часа ночи-то? Конечно! Но не в десять вечера.

- И вы уверены, что это был именно он?

- Он меня тоже узнал, по глазам вижу.

- Это верно? - обратился Мегрэ к Маоссье.

- Никогда раньше не видел эту падаль...

- Падаль... Падаль...

Торранс вытолкнул клошара из кабинета и ввел толстуху с распухшими ногами и похожими на сардельки пальцами. Она была еще не очень пьяна, но все же немного пошатывалась.

Сев, она тоже посмотрела по сторонам и указала правой рукой на Маоссье.

- Это он, - произнесла она хриплым голосом, которым, видимо, обычно разговаривала.

- Кто "он"?

- Мужик, что около десяти вечера вышел из ресторана, куда богачи ходят пожрать требухи...

- Вам известно название ресторана?

- "Фарамон".

- Вы уверены, что это именно тот человек?

- Еще как уверена. Я еще видела, как он разговаривал с Тото. Потом он мне сказал, что этот тип дал ему пятифранковую монету и даже угостил вином.

- Вы ее знаете, Маоссье?

- Конечно нет. Никогда не видел эту женщину, а она не могла меня видеть на рынке...

Мегрэ повернулся к толстухе Нане:

- Вы видели его потом?

- В ту же ночь, около трех. Я сидела на пороге дома на углу улицы Гранд-Трюандри и тупика Вьо-Фур. Услышала шаги. Совсем рядом со мной прошел высокий тощий тип. Его было легко узнать, тем более что как раз на углу стоит фонарь.

- Вы знаете, куда он шел?

- В дом, который уж лет десять как должны были снести и который однажды рухнет сам.

- Маоссье, вы узнаете эту женщину?

- Впервые вижу.

- Если все ваши свидетели того же типа... - вздохнул мэтр Луазо.
- Можете проводить ее в коридор, Торранс.
- Третьего свидетеля ввести?
- Через минуту... Когда я допрашивал вас в первый раз, вы отрицали даже то, что ужинали в тот вечер в "Фарамоне"... Вы подтверждаете это заявление?

- Подтверждаю...
- Где вы ужинали? Не дома, как сами признались, потому что у вас в гостях была ваша теща, с которой у вас не очень хорошие отношения...

- В какой-то закуской на Больших бульварах...

- Вы ее узнаете?

- Возможно...

- Вы пили спиртное?

- Я никогда не пью, разве что бокал вина за обедом...

- Итак, в "Фарамоне" вы не были?

Мегрэ подал знак Торрансу, и тот ввел в кабинет мужчину лет пятидесяти, одетого во все черное.

- Присаживайтесь, месье Жанлис.

- Меня обычно зовут Робер - профессия такая.

- Вы можете сказать нам, какая именно у вас профессия?

- Я - второй метрдотель ресторана "Фарамон".

- И в качестве такового, полагаю, следите за приходом и уходом посетителей...

- Обычно именно я указываю им столики...

- Знаком ли вам кто-либо из находящихся в этом кабинете?

- Да.

И он указал на Маоссье, который слегка побледнел.

- Когда вы видели его в последний раз?

- Я видел его всего однажды - вечером в понедельник. Он пришел один, что большая редкость для наших клиентов. Он поужинал довольно быстро, и именно я проводил его до двери.

- Вы это подтверждаете, месье Маоссье?

- Я не бывал в "Фарамоне" больше десяти лет. Этот человек утверждает, что видел меня всего один раз, да еще в полном зале.

- Откуда вы знаете, что зал был полон?

- Предполагаю, учитывая репутацию ресторана...

- Отметьте, - вставил метрдотель, - что я редко встречаю таких высоких и худых клиентов...

- У вас есть вопросы, мэтр Луазо?

- Нет. Я приберегаю их для официального допроса у следователя.

- Благодарю вас, месье Жанлис. Я вас больше не задерживаю.

- У вас есть другие свидетели, комиссар?

- На сегодня мы закончили с этим делом.

Адвокат, явно с облегчением, поднялся.

- Теперь перейдем ко второму.

- А есть еще и второе? Вам недостаточно обвинить моего клиента в убийстве какого-то клошара, которого он никогда не видел?

Но Маоссье на этот раз заметно побледнел. Темные круги под глазами выступили яснее, в углах сжатых губ залегла горькая складка.

- Мы вас слушаем.

- Вы помните 16 августа 1946 года, Маоссье?

- Абсолютно нет. У меня нет никаких оснований помнить этот день. Очевидно, я работал, как и в остальные дни, потому что в то время копил деньги и не брал отпуск.

- Вы работали в фирме Лесажа и Жело...

- Совершенно верно.

Он выглядел удивленным и встревоженным.

- Вы часто водили фургончик с этими двумя фамилиями на борту кузова.

- Да, довольно часто.

- В тот день вы должны были отвезти бидоны с краской вашим товарищам, работавшим на улице Курсель.

- Не помню.

- У меня здесь заявление, сделанное вами комиссару Пьедбёфу. Полагаю, вы не станете отрицать тот факт, что комиссар допрашивал вас несколько раз?

И Мегрэ показал ему папку с уголовным делом.

- Что вы хотите доказать?

- Где вы жили?

- Уже не помню. Я жил в гостиницах и часто менял их...

- Я освежу вашу память. Вы жили в отеле "Жонар" на площади Дез-Аббесс. Знаете, кто еще там жил?

- Я ни с кем не водил знакомство.

- Вы недавно встретили его на рынке. Через двадцать лет. Речь идет о Марселе Вивьене, чьей любовницей была Нина Лассав.

- Это меня не касается.

- Нет, касается. Она часто навещала Вивьена. Не знаю, выследили вы ее или что, только консьержка дома, где она жила, уверенно вас опознала и утверждает, что в последние два месяца перед гибелью Нины вы часто ходили к ней.

- Эта консьержка здесь? - спросил мэтр Луазо.

- Нет. Она умерла в своей родной деревне, куда уехала под конец жизни...

- Иными словами, дать показаний она не сможет, что должно вас устраивать. До сих пор вы выставили двух заросших грязью, совершенно деградировавших пьяниц, затем человека, живущего с чаевых, а теперь покойницу.

Кто будет вашим следующим свидетелем?

- Всему свое время, - прошептал Мегрэ, набивая табаком новую трубку.

Глава 7

Адвокат посмотрел на часы, которые, очевидно, как и часы Мегрэ, показывали шесть часов десять минут. Это был еще молодой человек, старавшийся придать себе важный вид. Он пружинистым движением встал на ноги:

- Вы закончили с моим клиентом, комиссар?

- Не знаю.

- Я вынужден уйти, потому что через двадцать минут у меня назначена встреча, и я не могу ее пропустить.

Комиссар развел руками, как бы говоря: "Это ваше дело".

Луазо обратился к Маоссье:

- Один добрый совет. Если он снова будет задавать вам вопросы, не отвечайте. Это ваше законное право.

Никто не может заставить вас отвечать.

Маоссье не шелохнулся. Он стал менее важным, менее агрессивным. Можно было сказать, что он начал осознавать серьезность своего положения, а также то, что его адвокат озабочен лишь тем, чтобы как можно более выгодно подать себя.

Мэтр Луазо вышел с тем же важным видом, с каким вошел. Как бы между прочим Мегрэ произнес:

- Один добрый совет. Если вы предстанете перед судом, смените адвоката. Этот лишь разозлит судей и присяжных... - Сделав небольшую паузу, он продолжил:

- Вы действительно имеете право отказаться отвечать на мои вопросы, но в глазах многих это будет выглядеть признаком, если не признанием вины. Я не буду вам больше задавать вопросов, но вы, если захотите, сможете в любой момент прервать меня...

Комиссар внимательно смотрел на Маоссье. Ему казалось, что собеседник куда менее агрессивен, чем в Ла-Боле и чем в начале этого допроса. Сейчас он выглядел скорее большим ребенком, продолжающим дуться, хотя ему этого больше не хочется.

- Комиссар Пьедбёф был прекрасным офицером полиции, однако он не старался выяснить истину во что бы то ни стало. Кстати, родинка у Нины Лассав была на левой щеке?

- Это ловушка?

- Нет, что вы. Дело, которое вел мой коллега, достаточно четко доказывает, что вы были любовником этой женщины.

- Консьержка умерла.

- Но ее показания остались. У меня здесь есть протокол очной ставки между вами и ней. Вы с вызовом спросили: "Как вы узнали мою фамилию?" Были убеждены, что она не ответит. А вот что она сказала: "Однажды днем я сидела в своей комнате вместе с подругой, которая иногда заходит ко мне попить чаю. Могу дать вам ее имя и адрес. В какой-то момент этот человек (она указала на вас) прошел под аркой, и мы четко рассмотрели его лицо через стеклянную дверь. Подруга удивилась: "Надо же! Мой маляр... Этот парень красил мою кухню и клеил обои в столовой. Его зовут Луи Маоссье, он работал в фирме, находящейся на бульваре Батиньоль..."

Эта подруга, Люсиль Госсе, была допрошена и подтвердила факт данного разговора. Кстати, именно благодаря ей вас нашли так быстро.

В тот день, когда около шестнадцати часов Нину задушили, вы работали на улице Баллю, в квартире вдовы Госсе. Та вышла за покупками, а вы бросились к Нине...

Маоссье смотрел на него, хмурия брови. Создавалось впечатление, будто что-то ускользает от него и он пытается это понять.

- Я мог бы зачитать вам показания консьержки. Почтальон принес срочное письмо жильцу с четвертого этажа, и она поднялась отдать его. А когда спускалась по лестнице, столкнулась с вами. Вы поднимались к Нине. Вы по-прежнему отрицаете это?

Ответа он не получил. По мере того как Мегрэ говорил, Луи Маоссье успокаивался, однако оставался напряженным.

- Вы оба были без ума от нее. Уж не знаю, каким образом она внушала такие сильные страсти. Ради нее Марсель Вивьен бросил жену и ребенка. А она даже не хотела жить с ним под одной крышей. Она ни разу не провела с ним ночь целиком. С вами, впрочем, тоже. Не знаю, были ли это остатки хорошего воспитания...

Мегрэ говорил немного глухим голосом, время от времени переворачивая листки лежащего перед ним дела.

- Возвращаясь ко дню убийства Нины. У Марселя Вивьена, конечно, имелось алиби, но в нем были прорехи...

Маоссье посмотрел на комиссара внимательнее.

- Сегодня утром я нашел на полях дела написанную от руки записку моего коллеги Пьедбёфа. Читаю:

"Приходил старый завсегдатай быстро на бульваре Ла-Шапель, он был пьян. Имя: Артюр Жильсон, по прозвищу Деревянная Нога (одна нога у него не сгибается, и он ходит как будто на протезе).

Он утверждает, что в тот день Марсель Вивьен вошел в бистро около половины четвертого и выпил две порции коньяку, одну за другой. Это было тем удивительнее, что обычно краснодеревщик пил только кофе.

Опять же по его словам, Вивьен затем направился на бульвар Рошешуар".

Мегрэ помолчал, пристально глядя на Маоссье.

- Должен вам сразу сказать, что никто из присутствовавших в тот день в бистро не подтвердил этого заявления. Точнее, хозяин подтвердил, что эта сцена имела место, но на следующий день после смерти Нины. Один из двоих ошибался. Мой коллега сделал выбор в пользу хозяина бистро.

- А вы? - не удержался Маоссье.

- Я склонен поверить Деревянной Ноге. Он был старым, но из ума не выжил. Он уже умер; но у нас осталась эта записка комиссара Пьедбёфа... Вивьен был любовником Нины более полугода. Бросив ради нее семью, он считал ее своей собственностью... А она встретила вас и отдалась вам, продолжая поддерживать интимные отношения с Вивьеном... Тот редко виделся с ней в первой половине дня. Они обедали в ресторане и проводили вместе вечера...

Лицо Маоссье вновь посуровело.

- Во время расследования консьержка не вспомнила, чтобы видела его входящим в дом или выходящим из него. Ее спросили, чем она занималась в это время, она ответила, что вязала у окна, слушая радио. Но с этого места ей было плохо видно людей, проходивших под аркой...

- И к чему это вас приводит?

- К подозрению Вивьена в убийстве любовницы, бывшей одновременно и вашей подругой. Может быть, он даже видел вас выходящим из дома? Мы этого никогда не узнаем. Как бы то ни было, он был оскорблен, боль буквально раздирала его.

Возможно, он пошел на бульвар Рошешуар не затем, чтобы убить ее. Он не прихватил с собой никакого оружия. Может, он просто хотел застать ее с вами?

Он застал ее лежащей голой на кровати. Для кого она раздевалась, если не ждала его визита?

Он считал, что отдал ей все. Бросил жену и дочь без средств к существованию. А она изменила ему с первым встречным.

Не знаю, о чем они разговаривали. Во всяком случае, Нина Лассав не сумела его успокоить. Она не боялась, доказательством чему служит поза, в которой ее нашли... А он распалился до того, что задушил ее... Тем самым уничтожил и свою жизнь... Ему казалось невозможным вернуться на

улицу Коленкур и даже в мастерскую на улице Лепик... Ничто больше его не интересовало... Возможно, он был бы рад, если бы убийство повесили на вас...

- Это чуть не произошло, да и вы вначале тоже подозревали меня. А я всегда говорил, что не убивал ее.

- Когда вы узнали о ее смерти?

- Через четверть часа после убийства. Я увидел, как Вивьен выскочил из подъезда и чуть ли не бегом устремился к площади Бланш. Мне захотелось спросить Нину, зачем он приходил.

Я вошел в дом и, поднимаясь по лестнице, встретился с консьержкой. Дверь в квартиру была приоткрыта... Это показалось мне подозрительным... Через две минуты я нашел тело... Тогда я стер отпечатки пальцев со всех предметов, которых касался даже в предыдущие дни. Заодно я, видимо, стер и отпечатки Вивьена...

- Почему вы не заявили о нем?

- Потому что решил сам покарать его...

Бедняга Торранс едва поспевал за все ускоряющимся ритмом допроса, который из монолога Мегрэ превратился в настоящий диалог.

Комиссар нашел слабое место в обороне Маоссье, и несгибаемость того исчезла.

- Вы ее так любили?

- Это единственная женщина, которую я по-настоящему любил...

- А ваша жена?

- Я люблю ее, и она меня, думаю, тоже. Но ни о какой большой любви тут речи нет...

- Но ведь прошло двадцать лет, Маоссье.

- Знаю. И все равно - не было дня, чтобы я не вспоминал о ней.

- А вы не думаете, что и Вивьен тоже? Он испытывал к ней такую же сильную страсть, настолько сильную, что пошел на убийство. Он даже не пытался начать жизнь по-новому. Он все бросил... И двадцать лет спустя вы встретили клошара...

Глава 8

Маоссье молчал, уставившись на свои ботинки. Его лицо изменилось. Наглость пропала, и оно стало более человеческим.

- Вы прожили двадцать лет как честный человек...

Он бросил на Мегрэ взгляд, и на его губах появилась ироничная улыбка.

- Я ее не убивал, это верно. Но тем не менее стал косвенной причиной ее гибели...

- Вы много работали, сэкономили. Сумели создать собственное дело, добились процветания... У вас симпатичная, милая жена... Вы живете в прекрасной квартире, владеете виллой в Ла-Боле... И все это вы поставили на карту ради убийства человека, которого не видели двадцать лет, человека, совершенно опустившегося за эти годы...

- Я поклялся себе покарать его.

- Почему вы не предоставили это правосудию?

- Он бы сослался на ревность, на состояние аффекта, и отделался бы коротким сроком. Он бы давно уже освободился.

- Ваш адвокат также будет объяснять ваши действия ревностью.

- Мне теперь все равно... Еще вчера я решил все отрицать, защищаться...

- Улики, что бы вы ни думали, слишком серьезны...

Зазвонил телефон.

- Это Аскан из I округа. Все нормально?

- Отлично. Маоссье уже два часа как в моем кабинете.

- Признался?

- Да.

- Даже если бы не признался, теперь бы ему пришлось это сделать. Дети, игравшие на пустыре возле предназначенного на снос дома, где жил Вивьен, принесли мне пистолет тридцать второго калибра. В магазине недостает трех патронов. Один из моих людей уже выехал в уголовную полицию, чтобы передать оружие в ваши руки.

- Оно станет дополнительной уликой.

- Нину Лассав убил тоже он?

- Нет.

- А кто? Вивьен?

- Да...

- Неужели Маоссье так любил Нину Лассав, что через двадцать лет отомстил за нее?

- Да... Благодарю вас, Аскан... Вы мне очень помогли... Фактически именно вы и ваши люди проделали большую часть работы...

- Не преувеличивайте... Ну, оставляю вас с вашим собеседником.

Маоссье пытался понять, о чем идет речь, но Мегрэ отвечал односложно, а слов Аскана он не слышал.

- Все эти двадцать лет вы искали его по Парижу?

- Не систематически... Просто всматривался в прохожих... Сам не знаю почему, я был уверен, что однажды встречу его... Я действительно ходил ужинать в "Фарамон". И пришел на рынок пешком. Ресторан вызвал у меня воспоминания о давних временах, когда "Фарамон" был для меня пределом недоступной роскоши...

Я вошел и поужинал в одиночестве... Теща меня не выносит и постоянно подкалывает... Не может мне простить, что я начинал простым маляром... Она узнала, что я родился в Бельвиле {рабочий район Парижа} и что рос безотцовщиной...

Через несколько минут в дверь постучал старик Жозеф, секретарь.

- Инспектор из I округа просит пройти, чтобы вручить вам пакет.

- Пригласите.

Инспектор оказался молоденьким пареньком, дрожавшим от возбуждения.

- Добрался так быстро, как только мог, господин комиссар... Мне поручено передать вам это...

И он протянул пакет, завернутый в оберточную бумагу, которой уже пользовались, потому что она была измята, и с любопытством посмотрел на Мегрэ.

- Я вам больше не нужен?

- Нет. Спасибо...

Когда инспектор вышел, Мегрэ развернул сверток.

- Это ваш пистолет?

- Во всяком случае, похож.

- Как видите, мы узнали бы истину и без ваших признаний. Оставшиеся патроны отстреляют и сличат пули с теми, что были извлечены из тела Вивьена... Вы так боялись, что вас остановят с оружием, что поспешили избавиться от него и выбросили на пустыре.

Маоссье пожал плечами:

- Верно, я дал клошару пятифранковую монету.

И жирную женщину видел, она мне показалась мертвецки пьяной. Когда я узнал Вивьена, разгружавшего овощи, я вновь ощутил бешенство и бросился домой за пистолетом...

Я ждал в темноте... Ждать пришлось очень долго, потому что приехал второй грузовик и он вместе с остальными попрядился разгружать его.

- Ваша ненависть не ослабла?

- Нет. Мне казалось, что я плачу долг.

- Перед Ниной?

- Да... Кроме того, этот человек, этот Вивьен, казалось, был в согласии с самим собой. Разве не сам он выбрал судьбу клошара?.. Я готов был поклясться, что этот поступок дал ему покой, а меня это взбесило...

- И так вы ждали его до трех часов утра?

- Не совсем. До двух тридцати... Я последовал за ним, когда он направился в тупик Вью-Фур... Толстуха, которую я видел на рынке, лежала на пороге и казалась спящей... Я даже не подумал, что она может быть опасна... Мэтр Луазо придет в ярость из-за этой моей исповеди, но мне все равно...

Я видел, как Вивьен вошел в дом... Последовал за ним и услышал, как он закрыл дверь... С полчаса я просидел на ступеньке...

- Дожидались, пока он заснет?

- Нет. Не мог решиться.

- И что же в конце концов заставило вас решиться?

- Воспоминания о Нине, точнее, о родинке на ее щеке, которая делала ее такой трогательной...

- Он проснулся?

- После первого выстрела он открыл глаза и показался удивленным. Не знаю, узнал он меня или нет...

- Вы ему ничего не сказали?

- Нет. Возможно, я жалел, что пришел, но было уже поздно. Два следующих выстрела я сделал, чтобы избавить его от страданий, хотите верьте, хотите нет.

- Вы пытались выкрутиться.

- Совершенно верно. Думаю, это происходит автоматически. Вивьен ведь тоже не побежал в полицию признаваться в убийстве любовницы...

Когда он произносил последние слова, его лицо напряглось. Потом он снова пожал плечами.

- Кстати, а что стало с мадам Вивьен?

- Она живет в том же самом доме на улице Коленкур, только сменила квартиру на меньшую, и зарабатывает на жизнь шитьем. Похоже, у нее довольно хорошая клиентура.

- У него ведь была дочь?

- Она замужем, у нее двое детей.

- Она сильно переживала?

Мегрэ предпочел промолчать.

- Что вы со мной сделаете?

- Вас отведут в камеру, в изолятор временного содержания. Завтра вас допросит следователь прокуратуры, который, возможно, выдаст ордер на арест. До окончания следствия вас, очевидно, будут содержать в Сайте, а после, вполне вероятно, переведут во Фрэн до начала слушаний дела в суде.

- Жену я не увижу?
 - Во всяком случае, некоторое время.
 - Когда газеты сообщат о моем аресте?
 - Завтра. Кстати, мне показалось, что в коридоре уже ждут журналист и фотограф.
- Мегрэ немного устал. Он тоже как-то вдруг расслабился и ощущал душевную пустоту.

Разговаривал мягко.

Он вовсе не выглядел победителем и в то же время испытывал облегчение.

Вместо одного убийцы было двое. Не это ли он подсознательно искал?

- Я хочу попросить вас об одном одолжении, в котором вы мне, вероятно, откажете. Не хочу, чтобы жена узнала о моем аресте из газет, а уж тем более благодаря телефонному звонку своей мамочки или какой-нибудь подруги. Сейчас она, скорее всего, ужинает. Я уверен, что она на вилле...

- Какой номер телефона у вас на вилле?

- Сто двадцать четыре...

- Алло, мадемуазель, соедините меня с номером сто двадцать четыре в Ла-Боле... Да, срочно...

Теперь уже он торопился освободиться. Через три минуты его соединили.

- Вилла "Зонтичные сосны"?

- Да.

- Мадам Маоссье? Это Мегрэ. В моем кабинете находится ваш муж, он хочет вам что-то сказать.

Мегрэ подошел к окну и встал перед ним, покуривая трубку.

- Да. Я в уголовной полиции. Ты одна?

- С горничной.

- Слушай меня внимательно... Тебе предстоит пережить тяжелый удар...

- Ты так считаешь?

- Да. Я только что признался. Я уже не мог поступить иначе.

Вопреки его ожиданию, она осталась спокойной.

- В обоих?

- Что ты хочешь сказать?

- В обоих убийствах?

- На бульваре Рошешуар не я, а Вивьен...

- Я так и чувствовала... И когда ты увидел его через двадцать лет, в тебе вновь вспыхнула ревность...

- Ты знала?

- Я сразу об этом подумала.

- Почему?

- Потому что я тебя знаю...

- Что будешь делать?

- Продолжу отдых здесь, если только меня не вызовут к следователю. А что будет потом - не знаю. Между нами никогда не было большой любви... По сути, я была лишь заместительницей...
Мать, скорее всего, будет настаивать, чтобы я потребовала развода...

- А!

- Тебя это удивляет?

- Нет... До свидания Клодетт...

- До свидания, Луи...

Когда Маоссье положил трубку на рычаг, он почти шатался. Он не ожидал, что этот телефонный разговор примет такой оборот. И дело было не только в том, что сказано, но и в том, что за этим последует. Пятнадцать лет жизни оказались стертыми за несколько минут.

Мегрэ открыл шкаф и налил из хранившейся там бутылки коньяка маленькую рюмку.

- Выпейте...

Маоссье заколебался, удивленно глядя на Мегрэ.

- Я не знал... - пробормотал он.

- Что ваша жена догадалась?

- Она собирается подавать на развод...

- А чего вы хотели? Чтобы она ждала вас?

- Я больше ничего не понимаю.

Он выпил коньяк залпом и закашлялся. Потом, не садясь, прошептал:

- Спасибо, что не давили на меня...

- Отведите его в изолятор, Торранс...

Толстяк Торранс выглядел потрясенным. Маоссье ждал его в центре кабинета. Как ни странно, но сейчас он уже не казался таким высоким, а черты лица как-то поплыли и стали совершенно банальными.

Он хотел было протянуть руку, но не сделал этого.

- До свидания, комиссар.

- До свидания...

Мегрэ чувствовал себя отяжелевшим. В ожидании возвращения Торранса он медленно прохаживался по коридору.

- В какой-то момент я растрогался, - признался инспектор.

- Пойдете выпить стаканчик в "У дофины"?

- С удовольствием...

Они покинули здание уголовной полиции и вошли в знакомый зал. Там сидели многие инспекторы, но только один из уголовной полиции.

- Что будете пить, комиссар? - спросил хозяин.

- Большой стакан пива. Самый большой из тех, что у вас есть...

Торранс заказал то же самое. Мегрэ выпил пиво почти залпом и протянул стакан хозяину, чтобы тот вновь его наполнил.

- Сегодня меня мучает сильная жажда... - И Мегрэ машинально повторил, как будто не понимая смысла произносимых слов:

- Да, сильная жажда.

Домой он вернулся на такси.

- Даже не знаю, стоит ли ужинать.

Он рухнул в кресло и вытер со лба пот.

- Для меня дело закрыто...

- Арестовал виновного?

- Да.

- Того, к кому летал в Ла-Боль?

- Да.

- Хочешь, сходим поужинать в ресторан? У меня только холодная говядина и винегрет.

- Я не голоден.

- Еда уже на столе, так что поешь все-таки...

В этот вечер он не стал смотреть телевизор и лег спать в десять часов.

<http://book.zehinli.info>